

ИЛЬЯ СОЛОМЕННЫЙ

НЕ ВРЕМЯ
ДЛЯ ГЕРОЕВ

— 2 —

18+

Илья Васильевич Соломенный

Не время для героев – 2

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69504121

SelfPub; 2023

Аннотация

Хэлгар одолел тьму, но изменился. Настолько, что теперь те, кого он считал своей семьёй и друзьями, готовы убить его. Парню не повезло – но он остался тем, кем был. Честным, гордым юношей, который пылает ненавистью к Ялайскому королевству, наследию тёмного властелина и чёрной магии. А потому он отправляется на войну. Туда, где его новая Сила может найти применение, туда, где он может оказаться полезным и туда, где его никто не найдёт и не узнает. Но если бы Хэлгар только знал, что его проблемы только начинаются...

Илья Соломенный

Не время для героев – 2

Глава 1 – Приграничье

Стук десятков копыт разносится по разбитой каменной дороге и исчезает где-то в вересковой пустоши. Вокруг – плоская равнина с чахлыми кустарниками и пожухлой травой, засыпанная серыми валунами.

Небо затянуто пепельного цвета тучами, из которых уже который день накрапывает мерзкий дождь. Резкий порыв ветра налетает на обоз, в котором я еду, пролетает меж телег, одиночных всадников, треплет кожаный плащ и бросает мне в лицо водяные капли.

Выругавшись, я плотнее запахиваю полы и сильнее натягиваю капюшон. Холодно. Морось пропитала одежду насквозь, и всё вокруг пропитано запахом отсыревшей земли.

– Во погода, а? – усмехается возница под небольшим тентом, правящий телегой справа от меня. Пожилой мужчина с кучей седой бородой по имени Шкан попыхивает курительной трубкой. – Промозглая нынче осень, парень. Но ничего, ты не переживай! Не успеешь раскиснуть, к вечеру уже доедем до Ветренного лагеря!

Я молча киваю, не желая поддерживать разговор. К вечеру... Скорей бы уже!

Прошло больше месяца с тех пор, как под покровом но-

чи мне удалось покинуть Верлион. Вплавь и почти без вещей – с одной лишь книгой Беренгара, мечом, камнем Эрленкар, кастиллой и кошелём с пятёркой золотых армов. Это были последние деньги, какие у меня оставались, и полтора из них пришлось потратить на лошадь. Трактирщик, у которого я выкупил хромую клячу был весьма доволен избавиться от застоявшейся животинки, которую за долги ему отдал какой-то коробейник.

Я ехал на северо-восток, к одной из многочисленных армейских ставок на реке Тариэль. Из разговоров встреченных на пути людей было известно, что вдоль неё растянулось множество лагерей. Там собирали рекрутов, обучали, формировали отряд и полки, а затем отправляли их дальше, в приграничные земли, где то и дело случались стычки с отродьями Ирандера.

Как я успел понять – в спокойных землях Империи наши победы сильно преувеличивали...

Первые полторы декады тревога днём и ночью грызла душу, будто голодная собака – кость. Я постоянно помнил о катастрофе, что едва не погубила Верлион, размышлял, удалось ли обвести Ишеек Трибунала вокруг пальца, и переживал, когда на тракте или постоялых дворах встречались немногочисленные маги.

Как выяснилось – совершенно напрасно.

* * *

На второй декаде своего путешествия я остановился на

ночь в одном из придорожных трактиров. Ожидая, пока приготовят комнату, взял кружку кислого пива, тарелку овощного рагу с несколькими кусками жёсткого мяса и сел за угловой столик, который был слабо освещён.

Перекусывая не самой изысканной едой, я услышал разговор нескольких людей, сидящих за большим столом. Судя по их пёстрой одежде, развязному тону и темам, которые они обсуждали изначально, это были бродячие артисты.

– Брось, Келара! – громыхал рыжий здоровяк с лихо подкрученными усами в полосатой куртке. – Ты же слышала, что нам рассказали в бродячем цирке Торреса!

– Подумаешь! – фыркнула блондинка с алебастровой кожей и карими глазами, одетая в дорожное платье. – Там же одни пройдохи, Мут! Соврут и недорого возьмут! Надо ехать в Верлион!

– Не надо, – покачала головой старуха, закутанная в несколько шалей и сидящая на краю стола. – Торговый караван рассказал тоже самое что и эти горлопаны! Думаешь, и они врут? Ты же сама видишь – народ бежит из города!

В тот момент я наострил уши, надеясь, что они расскажут что-нибудь интересное.

– Неудивительно, – поигрывая кинжалом, заметил худощавый молодой парнишка в простой серой рубахе и кожаных бриджах, с телосложением акробата. – Я бы тоже оттуда бежал. Где это видано – в самом центре Империи объявился чернокнижник, который разнёс половину города! Кто знает,

какие сюрпризы он там оставил? С безопасностью там явно проблемы, раз допустили такое!

– Да какую там половину! – громыхнул усач. – Не преувеличивай, знаю я, какие ты потом сплетни распускаешь, Тир! Не половину! – он отпил пенного пива.

– А сколько? – спросили мужчины в охотничьей одежде, сидящие за соседним столом возле большого камина. Он и его товарищи тоже прислушивались к беседе. – Мы слышали, что малефик своей тёмной волшбой там и городские казармы снёс, и Храм Святых предков, и даже...

– Да слушайте вы больше всяких проходимцев! – пробасил здоровяк, вызвав улыбки постояльцев. – Ремесленный район пострадал сильно, это да. До сих пор оцеплен, никого туда не впускают, никого не выпускают. Ну и по соседним кварталам немного попало какими-то заклятьями... Но Трибунал и маги из академии, да хранят их Святые предки, справились с отродьем Ирандера!

– А правда, что сама Айрилен Старвинг убила тварь?

– Да кто ж наверняка скажет? – пожал плечами усач, снова отхлебнув из кружки. – Всякое бают...

– А жертв много?

– Кто-то говорит, что около сотни, кто-то про целую тысячу горланит.

– Тот парень из цирка, – в разговор снова вступил акробат. – Как его... Ну тот, жонглёр гирями... А, не важно! Он рассказывал, что несколько благородных сговорились с ма-

лефиком, и...

– Цыц! – блондинка выписала мальчишке подзатыльник. –
Думай что говоришь! Обвинять вельмож...

– Да опять услышал звон и не знает, где он, – прокряхтела старуха. – Не так всё было! Благородные – самые сильные магики, какие у нас есть! И они не малефику помогали, а наоборот, Трибналу, чтобы одолеть тёмного! Ну и поплатились...

– А что, погиб кто-то из древней крови? – уточнил один из охотников.

– Двое вроде бы. Логейн Требо, родной брат мэра Верлиона, как я слышала. Говорят, резвился в дешёвом борделе, по которому попало заклинание чернокнижника.

– И поделом ему, – буркнул усач.

– А второй?

– Младший сын генерала Слэйта.

– Да ну?!

– Мальчик учился в академии всего несколько месяцев. Болтают, что малефик похитил его подругу. Вот малец и решил спасти её. Да только не успел – долбануло по нему чем-то, и сгорел, как головёшка.

– Поди пышные похороны были?

– Чего не знаю, того не знаю...

– Вам бы лишь пересказывать чужие байки! – ворчливо заметил трактирщик, внимательно прислушивающийся к разговору. – А надо верить официальной информации!

– Это какой же?! – заинтересованно воскликнули сразу несколько человек, поворачиваясь к хозяину заведения.

– Да вот хотя бы к газетам! – важно выпятив подбородок, дородный мужчина в засаленном фартуке достал из-под стойки бумажный лист, в котором я узнал «Вестник Верлиона». – Деверь недавно привёз, тут всё написано.

– А посмотреть дадите?

– Цыц! – отрезал трактирщик, – Сам зачитаю! Ещё порвёте, а нам сюда прессу не возят!

Прочистив горло он, сбиваясь на некоторых словах, принялся озвучивать статью с первой полосы:

«По итогам расследования, проведённого Трибуналом, удалось установить личность малефика. Человеком, пытающимся проклясть наш любимый город, оказался тот, на кого и подумать было нельзя! А именно – помощник профессора общей теории магии, подсобный работник академии Керс Ханд.

Как получилось, что в одно из главных учебных заведений центральной части Империи проник чернокнижник – неизвестно. Но наши источники сообщают, что он похищал студентов академии и с помощью сложной магии крови заставлял всех, кто с ними контактировал, забывать о пропавших. Также злоумышленник подделывал записи в архивных документах учебного заведения, чтобы раньше времени никто не хватился пропавших.

Помимо этого, вышеназванный Керс Ханд умудрился

взять под ментальный контроль профессора Атрая. Благодаря своим махинациям и тёмной магии, малефик выставил уважаемого члена магического сообщества виновным в собственных злодеяниях и отвлѣк от себя внимание.

К сожалению, подробности операции, которая привела к нахождению и уничтожению чернокнижника, Трибунал раскрыть отказался. Однако достоверно известно, что во время задержания малефика погибли четверо Рвачей и Ищейка. Все они посмертно будут представлены к правительственным наградам.

Число убитых тёмной магией и её проявлениями жителей города также не называется, однако учитывая масштабы трагедии, речь, скорее всего, идёт о сотнях людей. В городе до сих пор действует комендантский час, часть кварталов закрыта для посещений. Имперские маги вместе с гвардейцами вычищают тёмные проявления, которых после ритуала чернокнижника по всему среднему городу образовалось более десятка.

Ну а самое главное – из-за глобального провала в безопасности академии магии, который и повлѣк за собой все эти ужасные события, учебное заведение по приказу Императора будет закрыто на неопределѣнный срок, а всех студентов обяжут оставаться в городе, пока ситуация не прояснится...»

* * *

Погрузившись в воспоминания, я не замечаю, как тучи темнеют и пустошь, а за ней и дорогу, поглощают сумерки.

В голове обоза и его хвосте всадники зажигают факелы, на телегах разгораются магические светильники.

Дождь усиливается. Поэтому, когда впереди, за пеленой падающей с неба воды появляются несколько пятен света, я невольно улыбаюсь.

Ну что ж, кажется, добрался... Первая часть пути – позади!

Впрочем, я быстро себя одёргиваю – не стоит радоваться раньше времени. Надеюсь, всё пройдёт гладко, и никто и не заподозрит, что я беглый маг с двумя сторонами дара Аулэ.

Хотя, бояться мне, пожалуй, и нечего. Из разговоров своих попутчиков я понял, что в приграничье, как и говорил Тормунд, на многое смотрят сквозь пальцы. Магов, по отношению к обычным солдатам, всегда было мало, и они прибывали на фронт, в основном, по направлениям. Так что если молчать о своём даре – то и проблем не будет.

Конечно, чтобы не допустить появления шпионов, всех новоприбывших после записи проверяют местные колдуны. Однако эта проверка сводится к той, что была у нас в академии, за неимением лучшей. В ней используется реагент, а маги проверяют, как залечиваются раны новобранцев.

Я размышлял об этом в самом начале своего пути сюда, и в первые дни даже хотел отказаться от идеи спрятаться на фронте. Но затем поговорил с Беренгаром и... Мы кое-что придумали.

Благодаря тому, что я начал изучать «тёмные» направле-

ния дара Аулэ, мне удалось справиться с бесконтрольными выплесками. С помощью практически ежедневной практики на протяжении месяца я научился «сливать» излишки тёмной магии, а огонь хорошо помогал в этом.

Так что перед тем, как заявляться к вербовщикам, я собираюсь просто избавиться от всех тёмных проявлений в теле. А магическое исцеление на меня хоть теперь и не действует, но имеется несколько мыслей, как можно обойти эту проверку... Ведь, к счастью, светлые стороны дара Аулэ, пусть и с трудом, но всё ещё мне поддавались.

После произошедшего в Верлионе я смирился со своей судьбой. Деваться всё равно было некуда. Да и я понемногу стал понимать то, о чём говорил Беренгар – не магия определяет, каким будет колдун. Это я решал, как её использовать.

Я стал тёмным не потому, что захотел власти или могущества, не потому, что ненавижу Империю. Напротив – мне пришлось принять свою суть, чтобы спасти людей...

Армейские ставки растянулись вдоль русла реки на несколько миль. Часть из них была обычными палаточными лагерями, часть – уже устоявшимися поселениями, обнесёнными частоколом, с бревенчатыми зданиями и даже неким подобием тротуаров, дорог и улиц.

К одному из таких посёлков и подъехал наш обоз.

На входе стоит стража – шестёрка вооружённых копьями и арбалетами солдат. Довольно долго они проверяют бумаги всех, кто их имеет, затем переписывают прибывших,

обыскивают телеги и седельные сумки. Зная, что такое может произойти, я закопал камень Эрленкар под одним из деревьев по дороге, сделав вид, что мне нужно облегчиться и отпустив обоз вперёд.

А вот книгу Беренгара оставлять в земле не решился. Сейнорай был мне нужен. К тому же фреска с неизвестными надписями, которая вызывала у любого, кто взял её в руки, голоса в голове, выглядела куда подозрительнее обычной книги с пустыми страницами.

Правда, пришлось замаскировать артефакт – выковырять из обложки драгоценные камни и обтянуть её старой кожей, чтобы придать неказистый вид, но это ничего. Магия была заключена не в драгоценностях, а колдунов с «ограниченным» даром книга в себя не пускала – так что можно было не бояться, что случайный человек узнает о моей тайне.

Когда проверка заканчивается, нас впускают на большую, грязную площадь перед частоколом, окружённую кривоногими, сложенными на скорую руку зданиями, шатрами и палатками, рядом с которыми полыхают факелы, жаровни и костры. К тому моменту наступила глубокая ночь, но нас всё же встречают двое – худощавый мужчина в тёмно-зелёном плаще и нашивками сотника на нём, и дородный, низкий десятник. Под накинутыми капюшонами трудно разглядеть их лица.

– Добро пожаловать в Ветренный лагерь! – приветствует нас худой, – Меня зовут сотник Гавейн. Знаю, дорога ваша

была долгой, но мы здесь не любим проволочек. Поэтому делаем всё по уставу – и вы, быть может, ещё успеете выспаться. Торговцы остаются здесь, к вам подойдут! Повара, кузнецы, медики, прочая обслуга – идёте с десятником Харроу, он распределит вас. Пожитки захватите с собой. Рекруты – за мной. Если есть лошади – оставьте у коновязи. Как запишетесь, вам объяснят, что с ними делать. Не отставать!

Кроме меня лошади имеются только у двух молодых людей, и пока мы привязываем животных, парни негромко переговариваются.

– Не слишком-то они рады нас видеть... – замечает белобрысый молодой человек в крестьянской одежде. – Как думаете, почему так?

– Все на взводе, – отвечает ему Рост, парень чуть старше меня, с которым мы в дороге перебросились парой фраз. – Видел же караван с ранеными, который встретился три дня назад? Говорили, что у Стаунтона чернокнижники положили целый имперский полк... Многие потеряли своих друзей и родных...

Мы идём следом за сотником по широкой улице между длинных бревенчатых казарм. Она ведёт к реке, и по пути я разглядываю армейский лагерь.

Да уж... Из листовок об этих местах складывалось совсем другое впечатление.

То и дело нам встречаются увечные воины – кто-то без руки, ноги или глаза – шаркающие по размокшей от дождя

грязи. Солдаты в потрёпанной форме греются у костров, с разных сторон доносятся крики, кашель и ругань. В воздухе висит запах дыма. Из наспех сооружённых казарм то и дело выглядывают хмурые мужчины, некоторые из них выходят на улицу в одном лишь исподнем. Они провожают нас тяжёлыми взглядами.

– С каждым днём всё хильче и хильче, меньше и меньше! – сплёвывает один из них, когда мы проходим мимо одного из барачков. – Мы тут должны месить грязь, дерьмо и кишки, а нам не могут нормальных бойцов прислать?! А не десяток крестьян, которые понятия не имеют, с какой стороны за меч браться?!

– Тише, Рез! – одёргивает его стоящий под небольшим навесом седой мужчина, попыхивающей трубкой, – Давно в Яме не гостил?

Сотник приводит нас к двухэтажному бревенчатому зданию, напоминающему трактир, и заводит в просторные сени.

– Записывайтесь по одному. Новобранец выходит – и заходит следующий, – хмурый мужчина указывает на дверь справа. – Старайтесь не задерживаться. Если у кого есть какие документы или рекомендации – приготовьте заранее. Ты! – он указывает обрубленным наполовину пальцем в Криса. – Давай первым. Я вернусь через колокол, а вы, как закончите, ждите меня здесь же.

Мы ожидаем своей очереди молча. Процесс оформления новобранцев идёт довольно быстро – по моим ощущениям

не проходит и половины колокола, как не записанным остался только я. Белобрысый парень, выйдя от вербовщика, кисло улыбается.

– Давай, твоя очередь.

Кивнув, я вхожу в комнату. Внутри жарко и душно – помещение греет угольная печь, стоящая в углу. Окон здесь нет – лишь шкаф, забитый бумагами и стол, за которым сидит лысоватый толстый мужчина. На лацкане его затасканной мантии я замечаю знак Практика.

Что ж, это было ожидаемо.

– Добро пожаловать в Ветренный лагерь. Меня зовут Импран, местный оформитель и Практик. Твоё имя? – спрашивает он уставшим голосом.

– Рой, – ещё в дороге я назывался именем деда и вымышленной фамилией. – Рой, сын Криса.

Я осматриваю комнатушку, чувствуя что-то неладное. Взгляд цепляется за один из магических светильников, закреплённых по углам помещения. Он не горит, а пульсирует тусклым зеленоватым светом.

О-о-о, любопытно! Заряженный кристалл Телвани! Мощная шутка, привязанная к своему владельцу. По приказу, или в случае угрозы хозяину кристалл поджарит злоумышленника на месте. Судя по размеру – этот мог легко пробить магическую защиту даже Магистра.

Точнее – сопоставимого с Магистром по силе малефика.

Хорошая защита на тот случай, если сюда проберётся

шпион. Не нужна рота солдат, да и уставшему от бесконечного потока новобранцев Практику не требуется каждую секунду быть настороже. Достаточно убедиться, что прибывший владеет тёмной магией – и кристалл легко отправит его на тот свет.

Что ж... Я ожидал чего-то подобного...

– Садись, Рой, – Имран указывает на стул. – Бумаги? Рекомендации, документы, направления?

– Никаких, господин магик.

– Хм... – он вздыхает, обмакивает перо в чернильницу и начинает писать, задавая вопросы. – Откуда прибыл?

– Из Гента.

– Сколько лет?

– Двадцать шесть.

– Каким оружием владеешь?

– Мечом, щитом. Из арбалета могу немного стрелять.

Немного сражаюсь копьём и цепом.

Практик, прищурившись, смотрит на меня.

– Кем работал?

– Охранником каравана, господин.

Простые вопросы, простые ответы. Прямо мне под стать... По дороге я придумал себе роль простачка из глубинки, который захотел лёгких денег и славы. Без друзей, без семьи, без собственного жилья. Таких на фронт брали охотно и лишних вопросов не задавали.

– Семья?

– Все сгнули от чахотки три года назад. Мать и два брата.

Перо продолжает скрипеть по бумаге.

– Об условиях знаешь?

– Только то, что в дороге болтали, господин.

Практик устало протирает глаза.

– Прежде чем тебя внесут в списки новобранцев, мне нужно проверить тебя, Рой. Если всё в порядке, о жалованье и остальном тебе расскажет сотник Гавейн.

– Конечно, господин, – легко соглашаюсь я.

Имран выдвигает ящик стола, достаёт оттуда колбу с ре-агентом, который мне прекрасно знаком, и серебряный ножичек.

– Нужно капнуть в этот раствор кровью, – поясняет маг. – Порезь себе палец. Только без глупостей.

– Да какие глупости, господин, – улыбаюсь я, стараясь, чтобы это выглядело беззаботно. – Всё понимаю. Защита от тёмных тварей, все дела...

– Именно, – кивает Практик. – Полагаю, будь ты черно-книжником, вряд ли бы сунулся сюда. Но правила есть правила.

Я беру нож, чиркаю по указательному пальцу и капаю кровью в подставленную пробирку.

После упорных занятий Беренгар обучил меня кое-чему, что позволяло обойти такую примитивную проверку. Всего-то и нужно было сделать две вещи: перестать постоянно черпать энергию из источника и очистить энергоканалы.

Проще говоря – выплеснуть из них всю магию, и светлую, и тёмную, и тогда реагент не покажет вообще никаких проявлений.

С тьмой таким образом я научился справляться самостоятельно ещё тогда, когда меня пытал Ищейка. Со светом процесс ничуть не отличался. Главное – не сдерживать источник слишком долго, чтобы это не привело к неконтролируемым выплескам.

Так что прошлой ночью, за сутки перед тем, как мы прибыли в лагерь, я вычистил свои энергоканалы и запретил Дару Аулэ циркулировать по ним.

Капли крови падают в реагент, Практик трясёт пробирку. Жидкость не меняет цвета, оставаясь прозрачной...

– Превосходно, – удовлетворённо кивает маг, делает в своих листах ещё одну пометку и протягивает их мне. – Подпиши, и можешь идти. Отдашь эти бумаги сотнику Гавейну. Он расскажет тебе, что к чему, покажет место в казармах, распорядится насчёт кормёжки, жалованья и обучения.

– Благодарю, господин, – улыбаясь, я беру бумаги.

И было отчего радоваться! Всё проходит куда проще, чем я думал!

Встав со стула, я разворачиваюсь и уже делаю шаг к выходу, когда Имран окликает меня:

– Чуть не забыл! Давай палец залечу, а то ещё какую-нибудь инфекцию подхватишь.

Глава 2 – Направление

Я замираю, уже взявшись за дверную ручку, и медленно разворачиваюсь.

– Что?

– Палец давай, – повторяет Практик. – Открытая рана может загноиться.

Делаю глубокий вдох. Что ж... Глупо было надеяться, что меня так просто отпустят... Ничего, на этот случай план есть. Лишь бы только получилось...

Я возвращаюсь к столу, на ходу открывая источнику доступ к обеим частям дара. Совсем крошечный – два узких энергоканала, размером с игольное ушко протягиваются к пальцу, из которого капает кровь...

Протягиваю руку Имрану. Тот берёт мою ладонь, поворачивает к себе, его палец начинает светиться мягким белым светом, он проводит им над порезом... За мгновение до этого я концентрируюсь, разделяю сознание на две равные части, каждой из них освобождаю часть нужного дара и направляю его к порезу. Стараясь не сбиваться на эмоции, бушующие внутри, веду сразу двумя заклинаниями следом за Практиком и – о чудо! – рана затягивается!

– Вот и всё, – говорит маг, не заметив моих манипуляций. – А теперь ступай к сотнику. Надеюсь, там больше никого?

– Никого, – отвечаю я, всё ещё удерживая концентрацию.

– Тогда свободен.

Я киваю, разворачиваюсь, выхожу из комнаты и закрываю

за собой дверь.

– Всё, этот последний, – машет рукой сотник, привалившийся к дверному косяку. – Давай сюда бумаги.

Забрав у меня документы, он изучает их, возвращает и открывает дверь на улицу.

– Так, значит-с, тут мы закончили. Пошли, новобранцы, устрою вас на ночь, а с утра начнётся ваша новая жизнь. Похорошему я должен рассказать про условия и наши порядки прямо сейчас, но... – он качает головой. – День был долгий. Все устали, и я в том числе. Думаю, раз вы тут, то за ночь никто из вас не передумает. Но если найдутся желающие вернуться под юбку матери – сначала найдите меня, просто так из лагеря вас никто не выпустит. Не отставайте.

Он выходит наружу, я выпускаю тихо переговаривающихся парней перед собой и выхожу из здания последним. И лишь оказавшись на улице, рискую отпустить концентрацию. Кровь вновь начинает струиться из пальца, и я незаметно зажимаю рану, которая на самом деле никуда не исчезла.

Фокус, который я только что провернул, потребовал максимальной сосредоточенности и был, пожалуй, вершиной моих умений в комбинированной магии. Мы с Беренгаром придумали его по пути сюда, и я тренировался ежедневно, чтобы всё получилось так, как задумано.

Принцип трюка, которым я провёл Практика, был прост – требовалось «всего лишь» ввести его в заблуждение. Если маг не принадлежал к школе Целительства, он не мог чув-

ствовать результатов своего лечения, только видеть их.

Направляясь сюда я сильно сомневался, что проверяющим в таком лагере посадят профессионального целителя, ведь они были нужны непосредственно там, где идут боевые действия. Предполагал, конечно, что у мага будет лекарское умение, но минимальное – и оказался прав. Ну ещё и по дороге порасспрашивав людей, узнал, в каком лагере сидит какой колдун, и выбрал то место, где шанс обмануть проверку был наивысший.

А то, что я сделал сейчас – всего лишь результат упорной практики.

Воспользовавшись магией крови, я заставил её остановиться и перестать течь из пореза. Не излечил ткани, не свернул алую жидкость – а просто запретил ей покидать тело. Добавив к этому магию иллюзий, создал поверх пальца искажённое восприятие реальности. Последнее повернуть было куда сложнее, потому что нарушенный баланс дара практически отрезал меня от светлых школ магии... Но всё же я справился! Ежедневные тренировки не прошли даром и мне удалось обмануть вербовщика!

Что ж... Вот я и в армии!

* * *

Сплю крепко. И это удивительно! Особенно после долгой дороги, когда приходилось постоянно держаться настороже... На тракте я по крупицам собирал сведения об армейских ставках, прислушивался к новостям из Верлиона и

фронта, а по ночам, проваливаясь в книгу Беренгара и не высыпаясь, тайком обучался магии. И за всё это время ни у кого не возникло вопросов к молодому мужчине по имени Рой.

Я ехал в сером, неприметном плаще на старой кляче, вместе со сбившимися в обоз торговцами, ремесленниками и парнями, желающими стать защитниками Империи и делал всё, чтобы избежать чужого внимания.

А здесь, в ограниченном пространстве лагеря, где все друг друга знали, в окружении опытных вояк, которые пристально наблюдали за новичками и относились к нам не слишком радушно, оставаться незамеченным было гораздо труднее. Поэтому, укладываясь на простых деревянных нарах в одной из казарм, куда нас с остальными приехавшими новобранцами определил сотник Гавейн, я был уверен, что до утра не сомкну глаз.

Но нет – отрубился без задних ног. Хоть и держал под рукой меч – просто на всякий случай – а разум частично оставался настороже, чтобы в случае чего...

Утро начинается примерно на шестой колокол. По всему лагерю разносятся дребезжащие, на редкость противные звуки рожков и регулярные солдаты, спящие в казарме, мгновенно вскакивают с кроватей. Они начинают лихорадочно одеваться, и мы с прочими новобранцами на их фоне выглядим сонными курицами.

Впрочем, я ложился спать прямо в одежде, так что и соби-

раться не приходится – пристёгиваю к поясу простые потёртые ножны с мечом, проверяю сумку с вещами и направляюсь к выходу, следом за всеми, торопясь выбраться из пропахшего кислым потом тесного помещения.

На улице всё также пасмурно. За тучами не видно неба, а дождь только усилился. Волосы тут же намокают и прилипают ко лбу, но меня это мало заботит. Как и сотника Гавейна – несмотря на промозглую погоду, он уже стоит на входе в казармы под небольшим тентом, которые тут натянут у каждого здания, и невозмутимо попыхивает трубкой.

Регулярные солдаты здороваются с ним и отдают воинское приветствие, прижимая сжатый кулак правой руки к левому плечу. В их глазах читается неподдельное уважение к этому человеку, и я делаю в уме заметку.

– Новобранцы – выстроиться в шеренгу! – звучит команда, когда мы выходим из казарм.

Вместе с нами ночевала и предыдущая партия новобранцев, прибывших на день раньше. Бестолково толкаясь, пара десятков молодых и не очень людей, встаёт в грязь перед бараком, неустанно ёжась от пронизывающего ветра, морщась от капель дождя, падающих на лица, и протирая заспанные глаза.

– Для тех, кто забыл, – вышагивая вдоль неровной шеренги и не прекращая дымить трубкой, заговорил мужчина. – Меня зовут сотник Гавейн. Я отвечаю за обучение всех кадетов, и сегодня мы определим, на что вы способны. Следуйте

за мной!

Мы снова месим грязь, шагая через весь лагерь. В спину то и дело прилетают смешки и оскорбления, и я никак не могу понять, почему регулярные солдаты ведут себя так по отношению к новобранцам?..

Ранним утром мне удаётся получше рассмотреть «поселение», если можно так выразиться. Первое, что бросается в глаза – здоровенные башни, установленные на берегу реки. Они и правда огромные – выше чем Внутренняя стена Верлиона, хоть и сложены не из камня, а построены из дерева. И башен этих не две, не три, не десять – они растянуты вдоль всей реки Тариэль. И на верхних площадках у них – по паре-тройке здоровенных, быстрозарядных «скорпионов».

Я слышал о северном оборонительном рубеже. Но пока не добрался, не представлял, насколько растянута эта линия защиты Имперской границы. Понятно было одно – башни предназначались для контроля воздушного пространства, а вот против наземных войск противника они не помогут...

Гавейн приводит нас к тренировочным площадкам. На одной из них соломенные чучела, установленные через сотню с небольшим шагов от стоек с луками и арбалетами. Есть несколько огороженных канатами площадок, на нескольких из которых тренируются солдаты. Под тентами рядом с площадками – столы с простыми мечами, копьями, цепями и наспех сколоченными щитами.

Всё учебное – тупое, концы оружия закруглены или на них

вовсе приделаны деревянные шары, половина стрел с тупыми наконечниками или вовсе обмотаны толстым слоем тряпья. Я знаю, зачем это нужно – чтобы в учебном бою симулировать атаку дальнобойного оружия, но не убить тренирующегося.

– Итак, кадеты! – рявкает сотник, когда мы вновь выстраиваемся перед тренировочными площадками, – Объясню кратко! Мы проверяем ваши навыки, и в зависимости от них вы получаете назначение. А также звание рядового, за которое вам назначается ежедекадное содержание.

Эти слова вызывают возбуждённый шёпот среди новобранцев. Судя по нему – почти все пришли сюда ради денег...

– Тишина в строю! – командует Гавейн. – Жалование рядового солдата за декаду составляет пятьсот фингов или пять фистов. Значит, за месяц получите двадцать фистов. Почти половина золотого! Это в два раза больше, чем за то же время получают ремесленники или крестьяне в процветающих провинциях. Если кто-то из вас не окажется опытным бойцом, в чём лично я сомневаюсь... Большинство ждёт месяц учебной практики, а затем вы получите направления в разные полки. Там у вас будет возможность продвинуться по службе, если покажете себя. За каждое звание к жалованью полагается десятипроцентная прибавка. После тысячника – двадцатипроцентная.

Снова возбуждённый шёпот. Ловлю себя на том, что мне

противно стоять рядом с людьми, которые идут воевать лишь за деньги. Однако я тут же себя одёргиваю – эти люди мне не знакомы, и рано делать поспешные выводы. Наверняка у каждого из них за плечами есть какая-то история.

– После завершения курса подготовки вас снабдят стандартным оружием и доспехами, – между тем продолжает рассказывать сотник. – Если у вас, конечно, нет собственного. Лошади предусмотрены только для сотников, тех, кто сможет их содержать и солдат кавалерийских подразделений. Но в нашем лагере таких нет – тут мы готовим пехотинцев.

Он выбивает потухшую трубку, вминает в неё очередную порцию табака и раскуривает снова.

– А сейчас проверим, чего вы стоите! Вы двое! – он указывает на первых двух людей в шеренге, – На тренировочную площадку! Покажите, что умеете! Оружие, если надо – на столах. Только не покалечьте друг друга, наденьте кольчуги!

Здоровяк в серой куртке с дубинкой на боку, который уже жил в казарме, когда нас туда определили, выходит против худощавого парнишки со стрижкой «горшком», который прибыл с нами. Они надевают кольчуги, берут по тупому мечу, щиту и...

И уже через пару мгновений я понимаю, что сражаться не умеет ни тот ни другой. Здоровяк машет клинком, словно рожь косит – широко, сильно, но совершенно неумело – что выдаёт в нём крестьянина. Худощавый же парень просто трусит, и всё время отступает, пока не поскальзывается

и падает, а здоровяк нависает над ним, картинно приставил к горлу неудачника меч...

– Достаточно! – кривится Гавейн, тоже поняв, какие «бойцы» ему достались, – Выбирайтесь оттуда. Следующие двое! Только ты, парень, свой меч сними, а то поранишь ещё кого...

На этот раз он указывает на меня и на рослого детину, стоящего рядом. Про меч Гавейн говорит именно мой, так что приходится оставить его на столе с оружием и взять тупой тренировочный клинок.

Также как и предыдущие «бойцы» мы напяливаем старые кольчужные рубашки. Таковую я легко мог бы разрубить своим оружием, и она не защитит даже от арбалетного болта, пущенного с пятидесяти шагов... Перебравшись через канаты, встаю в чавкающей грязи в расслабленную стойку, опустив клинок вниз.

– Начинайте! – гаркает сотник.

– А-а-а!!!

Здоровяк, чьи плечи могли бы поспорить шириной с воротами лагеря, словно бешеный, срывается с места и с криком несётся на меня. Его замах настолько нелеп и широк, что мне даже уклоняться не надо. Я просто делаю короткий шаг в сторону, подставляю противнику ногу и толкаю его в спину, не используя меч.

Детина летит лицом вперёд, пропахивает грязь, встаёт и отплёвывается под дружный хохот новобранцев. Сотник за-

катывает глаза.

– А оружие тебе на что? – рявкает он на меня. – Обозначь удар! Это тебе не рыцарский турнир!

Здоровяк, в чьих глазах я замечаю проблеск злости, снова бросается на меня. В этот раз он не кричит – только пыхтит и, кажется, замахом учебного клинка настроен снести мне голову...

Я не делаю попытки уклониться – напротив, шагаю здоровяку навстречу, чем изрядно его удивляю. Присев, пропускаю удар над собой и бью рукоятью в лицо парня, чуть придержав удар, чтобы не выбить ему все зубы.

Под дружный «О-ох» рекрутов изо рта и носа детины выплёскивается кровь и горе-воин летит на землю. Как только здоровяк падает в грязь – я приставляю тупой конец учебного меча к его шее.

– Трус! – скалится он. – В честном поединке я бы тебя поломал!..

– Куда тебе, – усмехаюсь я его нелепой обиде. – Сначала меч научись правильно держать. Тебе ещё тренироваться и тренироваться...

Здоровяк неожиданно пытается поставить мне подсечку, ударить по ногам – но я просто подпрыгиваю на месте и, не давая ему встать, пихаю ногой в бок, снова заставляя упасть.

– Прекратить бой! – рявкает сотник. – Так, я понял... У нас тут умелец. Что ж, это хорошо, это просто отлично! Вот на тебе всех остальных и проверим! Детина! – Гавейн обра-

щается к моему противнику, заляпанному грязью с ног до головы. – Вылезай оттуда! Сейчас за тебя будут мстить!

Я тихо ругаюсь сквозь зубы, пока прочие новобранцы продолжают хохотать. Почувствовав забаву, к тренировочным площадкам стекаются и регулярные солдаты, трущиеся неподалёку.

Ялайский пепел! Привлёл внимание, на свою голову!

Сначала против меня выходят двое – низкорослый крепыш с копьём и тощий, как жердина, рыжий мужик с веснушчатым лицом. Очевидно, они планируют напасть на меня с двух сторон, но ждать их атак я не собираюсь. Прыгаю на копейщика, пропускаю его удар над собой, а затем полосу по кольчуге, поперёк груди.

Удар выбивает из несчастного воздух, он падает на спину, а я уже разворачиваюсь, успев заметить движение мечника. Без труда успеваю вскинуть клинок, блокирую удар, направленный в голову. Он не точный, но неожиданно мощный для такого тощего противника – по рукам, до самых плеч проходит вибрация.

В этот момент, переместив центр тяжести, я закручиваюсь на пятке. Грязь мне помогает, так что атакующего без труда удаётся увести за собой. Перехватив запястье тощего мужчины свободной рукой, я выкручиваю его, заканчиваю движение и приставляю меч к горлу рыжего.

Давно забытое ощущение просыпается в груди. После поступления в академию Верлиона мне почти не доводилось

фехтовать, не считая идиотских снов с бешеным рыцарем. Я и запамятовал, каково это – побеждать, полагаясь только на собственную силу и ловкость!

– Вы четверо! – командует сотник, видя, как я расправился с этими двумя. – Попробуйте зажать этого танцора в коробочку!

Новобранцы, на которых указали, воодушевлённо перебираются через канаты, а я только вздыхаю. Четверо, даже неумелых соперников – это уже надо постараться...

* * *

...Откинувшись назад, я увлекаю орущего мечника за собой. Поджимают ноги и, оказавшись на спине, резко распрямляю их, отталкивая нападающего. Он идиот – взял двуручник, слишком длинный, чтобы работать им в таком неудобном положении... Короткий полёт вверх ногами, и парень плюхается в грязь.

Он не успевает встать – я почти моментально оказываюсь рядом и полосую его по кольчуге в районе груди.

– Минус пять! – возбуждённо вскрикивает кто-то в толпе, собравшейся вокруг тренировочных площадок.

Я этого не желал, но народ пришёл поглазеть, как один из новобранцев раскидывает других. После четырёх противников на площадку вышли пятеро, потом – семеро. И кстати, пятеро из этой семёрки были регулярными солдатами, умеющими сражаться как следует.

Не так хорошо, как я, конечно, но семь противников, это

семь противников, пусть даже часть из них – неумёхи...

Мне не было нужно излишнее внимание, но, войдя в раж, я не заметил, как вокруг собралась толпа. Показывать максимум, на который способен, не стоило – это было бы весьма неосмотрительно. Простой охранник каравана, за которого я себя выдавал, никогда не сумеет одолеть семерых человек.

Так что следует завершать этот спектакль и, как ни при-
скорбно – проиграть...

Я бросаюсь вбок за секунду до того, как в меня попадут. Мимо проносится стрела с тупым наконечником. В развороте отбиваю удар второго солдата, кувырком ухожу от него и рвусь вперёд, к противоположной стороне площадки.

Честно говоря, я бы легко мог прикрыться от лучника последним мечником, а затем разделаться и с ним, даже без восприятия, которое, кстати, я так и не вызывал. Но...

Оставив мечника за спиной, я прыгаю из стороны в сторону, как заяц, чтобы сбить лучнику прицел, но он успевает выпустить три стрелы, прежде чем я оказываюсь рядом.

Две проходят мимо – а вот последняя, пущенная почти вплотную, попадает тупым наконечником мне в грудь. Удар получается сильным – из лёгких махом выбивает весь воздух и я оказываюсь на земле, хрипя и пытаюсь вдохнуть.

Толпа взрывается криками – обрадованными и разочарованными. Я слышал, что там уже начали делать ставки, смогу ли я одолеть семерых. Очевидно, что расстроены те, кто проиграл деньги. Ну а к довольным наверняка присоединились

“счастливики”, которых я хорошенько извалял в грязи...

На лицо падают холодные капли дождя... Эх, всё же проигрывать, пусть и специально – совсем неприятно! Надомной появляется ухмыляющийся стрелок и, ухмыляясь щербатой улыбкой, протягивает руку в перчатке.

– А ты хорош, новенький! Я уж думал, достанешь и меня!

– Не достал, как видишь, – встав с его помощью, я поднимаю меч. – Метко стреляешь.

– Да куда там, – он фыркает. – С двух-то шагов и ребёнок попадёт.

Что ж, в этом он прав...

Пока я, грязный, потный и уставший, возвращаюсь к сотнику, сидящему под тентом за одним из тренировочных столов, толпа потихоньку рассасывается. За Гавейном остаются только новобранцы, тринадцать из которых я «уложил». Большинство из них смотрят на меня недобро, но некоторые довольно улыбаются – тот же белобрысый Рост, например, которого я заставил хлебнуть жидкой грязи. Пожалуй, он один из немногих тут, кто умеет хоть как-то сражаться на мечах – по крайней мере, у него получилось отразить четыре моих удара.

– Ну что ж... – протягивает Гавейн, задумчиво потирая бритый подбородок и разглядывая меня. – Результаты и впрямь неплохие... Не скажу, что ты меня поразил, парень, но клинком машешь куда лучше, чем весь этот сброд.

Он даже не трудится понизить голос. Глянув через плечо,

я вижу, какими волчьими взглядами зыркают новобранцы. Проклятье, ну вот зачем он настраивает их против меня?!

Хотя они и сами не лучше – можно подумать, их моё владение клинком как-то задевает! Виноват я, что ли, что сотник выставлял их против меня одного за другим? Или думают, что надо было поддаться в самом начале? Бред!

– Просто долгая практика, господин Гавейн, – как можно небрежнее пожимаю я плечами.

– Практика – это хорошо, – кивает мужчина. – Но на войне этого мало, парень. Ты, небось, думаешь, что всё так, как пишут в газетах, или как рассказывают меж собой в дорогих салонах маменькины и папенькины сынки, графские детишки? Что мы, дескать, держим границы, на которых встали отродья Ирандера, чуть ли не у самой реки Логейн? Что между ней и Таризель всё под нашим контролем?

– Говорят именно такое, – осторожно отвечаю я. – Но верить сплетням и слухам – последнее дело, как по мне.

– Это правильно, – довольно усмехается сотник. – Ну вот что... такие как ты кто умеет с оружием обращаться, нам нужны. И не здесь, пятые рубежи охранять, а там, где настоящие воины требуются.

Неужели отправит на передовую?

Подумав несколько мгновений, мужчина что-то пишет в моих бумагах и протягивает их мне.

– Вот, держи.

Я беру документы и с интересом изучаю запись о назна-

чении.

– «Речные вороны»?

– Не слышал о таких?

– Нет.

– Ты чего! – восклицает Рост, прислушивающийся к нашему разговору. Парень мгновенно оказывается рядом и заглядывает через плечо. – Это один из самых сработанных отрядов северного Кулака армии, ты что, правда не знаешь?! О них десяток песен сложен! А история лет пять насчитывает! Охренеть тебе повезло!

Беспардонный парень излишне любопытен и языкаст, но перед сотником я не решаюсь его одёргивать. Однако, тот делает это за меня:

– Следи за языком, рядовой!

– Виноват, господин сотник! – мгновенно краснеет Рост и возвращается к новобранцам.

Гавейн хмурится, провожая парня взглядом, затем вновь поворачивается ко мне:

– Парнишка прав. До недавнего времени было так, как он говорит. Не то, чтобы «Речные вороны» были каким-то особенным отрядом. Таких в наших армиях хватает, но история у них и вправду хорошая. Доблестная. Однако три декады назад, у Сантимского леса они попали в засаду... Погибших почти треть, грохнули сотника, двух его заместителей и двух магов сопровождения. Третий заместитель остался жив, но он всего лишь десятник, да и опыта у него маловато, чтобы

управлять таким количеством людей. Так что им назначили нового капитана. Он едет сюда, и как только прибудет, ты и ещё несколько человек отправитесь дальше в приграничье, займёте места погибших в отряде. Им нужны опытные воины, а у нас тут... сброд, в основном, сам видишь. Таких, как ты, способных потягаться с четырьмя рядовыми и тремя десятниками, да ещё и после серии схваток – единицы...

– Ясно. И что, мне теперь нужно просто ждать?

– «Просто ждать»? – фыркает сотник, – Парень, ты серьёзно? Думаешь, показал, что знаешь, с какого конца за меч хвататься, и теперь будешь греться на солнышке?

Не удержавшись, я скептически смотрю на затянутое тучами небо, надеясь разглядеть за ними солнце, чем вызываю неудовольствие Гавейна. Он, очевидно, видит в этом дурную шутку, так как быстро меняется в лице.

– Значит так, рядовой! – рявкает он. – Назначение ты получил! И пока не приедет новый капитан «Речных воров» – будешь тренироваться вместе со всеми!

– Будет исполнено, господин! – я прижимаю кулак к плечу.

– Собирай свои пожитки и дуй к третьей казарме, она у реки. Спросишь Хенрира. Он покажет место для ночлега и объяснит режим тренировок! А с этими доходагами тебе делать нечего, так что и нагрузку получишь... Соответствующую! Кругом!

Я делаю так, как велит сотник. Под пристальными взгля-

дами прочих новобранцев иду в сторону реки, раздумывая над тем, что сделать с камнем Эрленкар. Оставить его законным под деревом? А вдруг его кто-то найдёт, и старый булыжник вновь сведёт какого-нибудь мага с ума?.. Забрать с собой? Но как, если из лагеря меня пока не выпускают?

Размышляя над этим, я шагаю по чавкающей грязи мимо палаток и, выйдя из-за одной из них, чувствую, как моё сердце пропускает несколько ударов.

Рядом с ближайшей коновязью, разговаривая с конюхом, в окружении четвёрки Имперских гвардейцев стоит Айрилен Старвинг...

Глава 3 – Новая жизнь

К счастью, черноволосая и горделивая Айрилен не узнала во взрослом мужчине, уставившемся на неё, молодого парнишку, на котором она демонстрировала возможности «куклы». Женщина прошла мимо, лишь скользнув по мне взглядом, и направилась к штабу лагеря, где заседал высший офицерский состав.

А я, облегчённо выдохнув, отправился к Хенриру. Он был сержантом, поставленным над недавно сформированной десяткой, которая должна была заменить погибших под Сантимским лесом солдат.

Хенрир мне понравился. Сухопарый, жилистый, сероглазый, с тремя жуткими шрамами на левой стороне лица и порванным ухом, лысый и щетинистый, он напоминал бродячего пса, которому ежедневно приходится драться с другими

собаками.

Да и речь у него была под стать этому образу – отрывистая, резкая, напоминающая лай.

Сержант, попыхивая трубкой – я обратил внимание, что здесь многие их курят, чего я не одобрял – изучил мои бумаги, рассказал о дневном распорядке, правилах лагеря, оснащении, кормёжке и прочих вещах, о которых стоило знать. Мне предстояло провести здесь несколько недель, дожидаясь прибытия нового капитана.

Дни в Ветренном лагере тянулись долго и были похожи один на другой как две капли воды. Ранний подъём, помывка, зарядка, завтрак, физические тренировки, обед, тренировки с оружием, обучение тактике и стратегии, ужин, пара колоколов свободного времени – и отбой.

И так изо дня в день.

Для меня, сына генерала Слэйта, с молоком матери впитавшего воинскую науку и обученному куда лучше половины Имперских офицеров, занятия у сотников представлялись на редкость бесполезными. Всё, что они рассказывали о построениях, манёврах, использовании преимуществ местности, тактических порядках, оснащении армии, разведке и прочем, я уже знал, и знал куда лучше них самих.

Поэтому откровенно скучал, хоть и не подавал виду. Да и чего было ожидать? Здесь всё-таки не будущих генералов готовили, а рассказывали рядовым и сержантам основы, чтобы те не глупили во время боя.

После того как меня определили к «Речным воронам» с остальными новобранцами я уже не контактировал. Вместо этого жил и тренировался с десяткой Хенрира и ждал прибытия нового капитана.

Поначалу остальные вояки отнеслись ко мне с пренебрежением. Это было понятно – каждый из них прошёл не одно сражение и считал честью вступить в довольно известный среди северного кулака армии отряд. А я только-только приехал и «не нюхал крови», как выразился Хенрир.

А в приграничье она лилась постоянно.

То, что я слышал о войне, пока жил в Верлионе и отцовском поместье, или читал в газетах, большей частью не соответствовало действительности. Из разговоров с Хенриром и некоторыми другими солдатами, побывавшими в боях, стало понятно, что Ялайское королевство вовсе не было загнано в угол, в чём жителей Империи настойчиво пытались убедить.

Всё было куда хуже. На реке Логейн у «тёмных» была выстроена серьёзная оборона, как и у нас – на реке Таризель, так что фактически эти рубежи и были границами двух стран.

Но вот от земель нордов на севере до самых Аларских гор, между реками Таризель и Логейн раскинулись тысячи и тысячи лиг, ставшие бесконечным полем боя. Хребты Сумрачных гор, Ветренная равнина, Сантимский лес, Тенистая долина, Грязное междуречье, Близнецы, Стылое нагорье и многие другие места – всё это не принадлежало ни Империи, ни Ялайскому королевству.

И если западная часть, вплоть до Сумрачных гор, ещё хоть как-то охранялась нашими войсками, патрулями, туда поставлялась провизия и регулярно обновлялись отряды, полки и роты, то Восточная являлась “ничейной” землёй. Там почти не было поселений, и как только там оказывались наши отряды, Ялайские отродья устраивали на них охоту.

Кроме этого, Последователи Ирандера совершали постоянные вылазки на запад по разным направлениям. Их отряды, роты и полки курсировали по приграничью, не давая покоя нашим войскам и периодически совершая налёты на укреплённые города и крепости.

На юге же, между Аларскими горами и Гиблыми болотами, “тёмные” расположили внушительную часть своей армии, которую нам приходилось сдерживать.

Вот и получалось, что на узком перешейке торчали войска обеих сторон, не имея возможности атаковать друг друга. А остальная часть армий была растянута по огромной территории в тысячи и тысячи миль, безостановочно сталкиваясь, но не имея сил перейти в масштабное наступление – ведь в таком случае пришлось бы оставить южный фронт незащищённым.

Именно поэтому в последнее время имперские вербовщики работали так активно – генералы Северного кулака получили приказ нарастить численность войск, чтобы перейти в наступление.

* * *

Всё складывалось неплохо – Хэлгара Слэйта считали мёртвым, Айрилен меня не узнала, я прошёл проверку, получил назначение на фронт и даже более-менее влился в коллектив десятки, к которой меня прикрепили. Конечно, в самом начале меня попытались, как это тут называется, «Приставить к делу».

А если точнее – сделать «шнырём». Таких в каждой сотне набирался почти десяток. Принести, унести, постирать, почистить, отполировать, зашить, приготовить, сбегать, найти... Такие солдаты не пользовались уважением своих товарищей, и были если не рабами, то прав имели куда меньше, чем все остальные. За непослушание, ошибки или дерзость их могли избить, и даже если «шнырь» шёл жаловаться, весь отряд подтверждал, что никто его не трогал.

В общем – так себе порядок, как по мне. Но кто спрашивает новичка о подобных вещах? Когда низкорослый, но крепкий, рябой парнишка из нашей десятки по имени Пек, лет двадцати, велел постирать его бельё, остальные солдаты лишь молча смотрели, как яотреагирую.

Это была проверка.

У нас как раз было свободное время вечером, и вся десятка отдыхала в казарме, когда Пек подошёл к моим нарам.

– Постирай сам, – отрезал я тогда, штопая прохудившуюся куртку. – Или найди прачку.

– Так я уже нашёл, зелёный, – усмехаясь и засунув большие пальцы за пряжку ремня, Пек встал напротив меня. –

Давай по-быстрому, метнись на речку, пока я тебе не показал, что к чему.

– Ты, похоже, глуховат? – уточнил я, поднимая на него взгляд. – Отвали.

– Слышишь, ты! – Рябой парень присел на корточки. – Я на Стылой равнине с тёмными сражался, пока ты свою задницу у мамкиной печи грел! И чтобы не замёрзнуть, кровь убитых в тундре волков пил! Мне тебе зубы повыбивать – как раз плюнуть, так что давай, шевели булками!

Он встал на ноги и демонстративно пнул по куртке, свисающей с моего колена.

– Ещё раз так сделаешь, и я тебе нос сломаю, – спокойно ответил я.

– Чё? Вы посмотрите, какой борзый! – хохотнул Пек, поворачиваясь к остальным солдатам. Впрочем, никто его не поддержал, и я сделал вывод, что парнишка не встретит особого одобрения со своими действиями. – Давай, деревня, хватай мои шмотки, пока я из тебя дурь не выбил и...

Он снова пнул по моей куртке. И пока ступня мелкого гадёныша не опустилась на дощатый пол я, не вставая с места, ударил его пяткой в голень опорной ноги. Пек рухнул как подкошенный, с размаху ударившись носом о край деревянных нар, на которых я спал. Послышался хруст, затем парень застонал, попытался встать, но я ухватил его за плечо, перевернул и придавил коленом к полу.

– Не знаю, где ты там сражался, парень, – напуская в го-

лос льда, сказал я. – Но с реакцией у тебя беда. Ещё раз подойдёшь ко мне с таким... предложением – сломаю не нос, а руку. А свои вонючие портки стирай сам. И радуйся, что мои не придётся.

Я отпустил его, и Пек, стремительно отпрянув, вскочил на ноги.

– Не, ну вы только посмотрите на него! – взвизгнул он. – Рик, Сандро, Телль! Давайте-ка проучим наглеца!

– Успокойся, Пек, – пробасил Хенрир, лежащий на скамейке в углу помещения, рядом с жаровней. Честно говоря, я думал, что он спал. – Тебя же предупредили. Ты не послушал, и справиться с парнем сам не сумел.

– Но он же...

– Он за себя легко постоял, – отрезал десятник. – А вот ты – нет.

– Хенрир, я...

– Заткнись, – ровным голосом перебил его сержант, и Пек мгновенно замолчал. – Заткнись и метнись наружу. Найди нам чего-нибудь пожевать на кухне.

Утирая кровь с лица, Пек стрельнул в мою сторону недобрым взглядом и вышел из казармы. Остальные солдаты десятки даже не шелохнулись во время этой нелепой разборки, а я вдруг понял, что нажил себе в отряде первого врага...

* * *

Главное, что меня беспокоило в те две декады, пока мы ждали нового капитана – невозможность нормально погово-

ритель с Беренгаром и продолжить обучение. Слишком много людей крутилось вокруг, и человек, впавший в ступор перед раскрытой книгой безо всяких надписей, наверняка вызвал бы массу подозрений.

Впрочем, спрятанный в паре колоколов пути от лагеря камень Эрленкар тоже был проблемой. Хотя именно с ним решение нашлось быстро. При всей строгости распорядка и проверках приезжающих я выяснил, что солдат из военного расположения наружу всё же выпускают.

Кто-то ездил в ближайший посёлок к шлюхам, кто-то туда же, но чтобы выпить на грязном постоялом дворе. Понятное дело, просто так никого не выпускали – увольнительные были наградой отличившимся, и мне, как новичку, не полагались.

Но существовал и другой вариант, куда проще. Можно было просто дать на лапу нужному человеку – заместителю коменданта, который заведовал всеми бумажками лагеря.

Деньги у меня были, так что договориться труда не составило. Зайдя к нему через Хенрира, которому тоже пришлось приплатить, за день до прибытия нового капитана я отдал «бумажному» сотнику два недельных жалованья и получил официальное разрешение. Взял свою клячу, прокатился до дерева, где зарыл камень Эрленкар, надёжно припрятал его за пазуху и, чтобы не вызывать подозрений, всё-таки доехал до крестьянского поселения.

Посидев в таверне пару колоколов и выпив две кружки

кислого пива, я приехал обратно. Благо, на воротах в лагерь никто не обыскивал возвращающихся солдат.

* * *

На следующий день после того, как я забрал магическую фреску, приехал новый капитан «Речных Воронов».

Ранним утром, сразу после пробудки наш десяток строится у казармы и ждёт сотника. Он приходит вместе с Гавейном, неизменно дымящим своей трубкой.

– Прошу любить и жаловать, господа «вороны» – усмехается Гавейн. – Ваш новый командир – наследный граф Имлерис ди Марко.

– Служим Империи! – громыхаем мы в унисон заученное приветствие, вызвав у нового капитана гримасу неодобрения.

Имлерис оказывается худощавым молодым человеком лет двадцати, среднего роста, с узкими ладонями, жёсткими чертами лица, острым подбородком и лихорадочным взглядом, который я отмечаю сразу. Длинные тускло-серебряные волосы зачёсаны назад и чуть выбиваются из-под шаперона.

Одежда на парне богатая – безвкусно расшитый золотистыми нитями военный мундир, новёхонький, словно только что от портного. Не то, что затасканная одежда солдат в лагере... Высокие сапоги начищены до блеска, на широком поясе – серебряная пряжка в виде ворона. Шаперон закреплён очень дорогой костяной заколкой, а из изысканных ножен на боку торчит рукоять меча, украшенная искусной ви-

той вязью и драгоценными камнями.

Он словно не на войну приехал, а на праздничный парад. Если прикинуть, то за весь гардероб этого дворянина можно оснастить оружием человек двадцать...

– Доброго утра, солдаты, – уставшим тенором произносит Имлерис. – Полагаю, вы все – новички в «Речных воронах», как и я. Надеюсь, среди вас достаточно доблестных воинов, чтобы не посрамить имя отряда. Для меня честь командовать вами. Мы не будем задерживаться в этом лагере, и сегодня же отправимся к крепости Фархельм, где нас ожидает остальная ватага.

Несмотря на правильные слова, голос наследного графа не выражает ни единой эмоции. Он будто произносит заранее заученный и отрепетированный текст.

Впрочем, судя по его зеленоватому цвету лица, он мог просто хорошенько перебрать накануне...

– В качестве подарка я привёз с собой новое оснащение – вместо того хламья, что сейчас на вас. Сотник Гавейн распорядится, чтобы вам выдали новые доспехи, одежду, предметы первой необходимости и оружие. У вас два колокола, чтобы собраться, а затем отправимся в путь.

После недолгих сборов мы покидаем Ветренный лагерь и отправляемся к крепости Фархельм на трёх телегах, запряжённых двойками лошадей. Ни у кого из моей десятки собственных коней нет, и свою клячу мне приходится оставить на «нужды фронта», получив за неё компенсацию в два фи-

ста. Это в тридцать пять раз меньше той суммы, за которую я купил животинку...

Впрочем, я не расстраиваюсь – всё равно она не была боевым конём, а еды и ухода требовала ежедневно. Деньги мне были не особо-то и нужны, да и имелись в достатке, спрятанные по потайным карманам, так что я не стал выпендриваться, и ехал вместе со всеми, сидя под тентом в первой телеге.

Собственно, по такой промозглой погоде верхом не едет даже капитан и Айрилен Старвинг. Совершенно неожиданно для меня, она со своими людьми составляет компанию нашей десятке. Её гвардейцы трясутся во второй телеге, а вот сама магистр магии Света путешествует с удобством, в личной карете нашего нового капитана.

В целом её присутствие меня почти не беспокоит – камень Эрленкар и книгу Беренгара я замотал в тряпье и спрятал в глубине вещмешка, и пока что доставать не собирался.

Мне до жути интересно, как обстоят дела в Верлионе. Если Айрилен приехала сразу за мной – получается, она провела в городе ненамного больше дней... Было бы неплохо её расспросить о том, что осталось позади... Как справляются с тёмными проявлениями, правду ли пишут в газетах, может быть – узнать о знакомых...

Но конечно, все эти вопросы никогда не покинут моего рта – выдавать себя я не собирался, да и не ответит она обычному рядовому, которого “совсем не знает”.

Как говорит Хенрир, по такой разбитой дороге до крепо-

сти ехать два дня, что по местным меркам совсем немного. Фархельм – ближайшая к границам Империи крепость и рядом с ней достаточно спокойно. Однако десятник то и дело поочерёдно отправляет двух разведчиков исследовать окрестности. Просто на всякий случай, от греха подальше.

Капитан Имлерис, впервые услышав об этой инициативе, не имеет ничего против, лишь беспечно машет рукой. Он явно не верит, что по дороге до Фархельма с нами может что-то случиться.

Собственно, первый день пути проходит спокойно. Разбитая грязная дорога однообразна и уныла, равнина с изредка встречающимся редколесьем также продувается ветрами, на небо будто свинцом плеснули, а дождь и не думает останавливаться. Поздним вечером мы устраиваемся в чухлой рошице, разбиваем лагерь и спокойно готовим ужин, кутаясь в плащи.

Правда – всё же выставив троих часовых.

– Не пойму, зачем заставлять несчастных мокнуть под дождём? Вам было мало, что они по дороге ползали по пустоши? – снисходительно спрашивает бледнолицый капитан, когда выходит из своего шатра к общему костру. – Что может случиться в дне пути от имперских лагерей?

Хенрир, услышав это, хмурится, но ответить не успевает – вместо него это делает Айрилен. Женщина сидит на раскладном стуле, грея руки у пламени.

– Вы уже бывали на фронте, мессир ди Марко? – сдержан-

но спрашивает она.

– Нет, не довелось. Это моё первое назначение.

– А о кейласах что-нибудь слышали?

– Ммм... не припомню.

– Это летающие твари, – тихим голосом объясняет Айрилен, но к её рассказу тут же прислушивается вся наша десятка. – Порождения тьмы, созданные чернокнижниками и последователями Ирандера. Чешуйчатая шкура, прочная как броня рыцаря; четыре мощные лапы, способные одним движением разорвать лошадь; перепончатые крылья, позволяющие тварям совершать перелёты на двести-триста миль; длинная, вытянутая морда, усеянная острыми, как кинжалы, зубами. Они умеют общаться между собой на большом расстоянии, носят диких всадников, упившихся отваром особых грибов, плюются ядом, разъедающим даже сталь.

– Похоже, неприятные создания, – скривив губы, замечает Имлерис.

– Я встречала их на дальнем севере, у земель нордов, и в Междуречье, и у Сумрачных гор. Обычно твари летают парами или тройками. Они не прикреплены к отрядам последователей Ирандера, их всадники безумны и сеют смерть там, где им захочется. Сегодня кейласов можно встретить на севере, через три дня – у крепости Фархельм, а через декаду они будут уже у Аларских гор. Позвольте дать вам совет, мессир?

– Разумеется, магистр, – важно кивает капитан.

– Вы здесь новенький. Не принимайте это как пренебрежение или оскорбление – только лишь как факт. Старайтесь прислушиваться к своим солдатам, у которых уже есть опыт выживания в этих местах. Вы теперь в приграничье, капитан. И здесь почти нигде не бывает безопасно. Думаете, сторожевые башни со скорпионами тянутся вдоль реки Тариэль случайно?

После услышанного я думаю о том, что наш молодой командир, скорее всего, направлен сюда не потому, что обладает выдающимся полководческим талантом. У Имлериса отсутствуют банальные знания о предполагаемом противнике, о местных реалиях. У него нет боевого опыта, и даже если учитывать, что мы уехали совсем недалеко от границы, любой командир в первую очередь бы озаботился безопасностью временной стоянки. А он...

Что-то мне подсказывает, что наследный граф ди Марко получил должность за мешок звонких монет и связи отца, известного в центральной части Империи политика. И если мальчик настроен просто поиграть в войну – нас всех ждут большие неприятности...

* * *

На исходе второго дня мы подъезжаем к крепости Фархельм. Она торчит посреди вересковой пустоши будто валун – огромный, неровный, неестественный и не пойми откуда взявшийся здесь. Низкие каменные стены растрескались от времени и сил природы, угловые башни приплюснуты, будто

по ним ударили огромной кувалдой.

Вокруг крепости нет никакого рва, ворота распахнуты, и на них дежурит десяток стражников. Внутри пускают без проблем, правда, лишь после того, как дозорные на стенах замечают телеги и отправляют к нам конный разъезд.

Забавно, что куда лучше чем верительные грамоты работает личность Айрилен – солдаты из Фархельма узнают её почти сразу, и вопросы о нашем визите отпадают.

– Я сопровождаю нового капитана «Речных воронов», – непринуждённо замечает она, указывая на сидящего рядом Имлериса. – Нас уведомили, что отряд в вашем расположении.

– Так точно, госпожа магистр! – кивает глава разъезда. Это плотно сбитый мужчина в полном стальном доспехе и с квадратной челюстью. – Пятьдесят пять солдат ожидают нового сотника.

– Прекрасно, – слегка растягивая слова, замечает ди Марко. – В таком случае отправляйтесь вперёд нас обратно к крепости, и велите «Воронам» встречать нового капитана.

Сержанту явно не нравится приказной тон, но спорить с вельможей солдат не решается.

– Сделаю, господин сотник, – поджав губы кивает он, разворачивает коня и гаркает своим людям. – За мной, парни!

К тому моменту, как мы заезжаем во двор крепости, нас уже ждут. Комендант с пятёркой помощников – заместитель, главный лекарь, интендант, дежурный колдун, начальник ка-

раула. За ними в две шеренги выстроились наши боевые товарищи.

Как оказалось, в «Речных воронах» ста человек не набиралось. Вместе с нами отряд теперь насчитывает шестьдесят пять душ. Одиннадцать разведчиков, двадцать лучников-арбалетчиков, четыре лекаря и тридцать штурмовиков, вооружённых мечами, цепями, топорами, боевыми молотами, моргенштернами. Каждый из «Речных воронов» имеет при себе небольшой, круглый щит, каждый одет в кольчугу.

Магов нет, что меня только радует. Меньше шансов быть раскрытым... С другой стороны, и шансов выжить в отряде без колдунов тоже гораздо меньше. Должно быть, владеющие даром присоединятся к нам позже, ближе к фронту...

Мы выпрыгиваем из телег и, повинуясь кивку капитана, встаём отдельной десяткой справа от остальных солдат. Я слышу, как некоторые вполголоса здороваются с Хенриром, и украдкой разглядываю своих сослуживцев, пока Имлерис и Айрилен общаются с комендантом.

Отряд состоит из совершенно непохожих меж собой людей: они разного роста, внешности, телосложения, по-разному одеты. Лишь плащи у всех одинаковые – грязно-коричневого цвета с двумя диагональными голубыми полосками и схематичными нашивками в виде воронов.

По лицам мужчин, их шрамам и позам я понимаю, что они сильно отличаются от тех солдафонов, которые слонялись по Ветренному лагерю. Это суровые, безжалостные, прожжённые

ные вояки, которые повидали не одно сражение. Часть из них изучает нас также внимательно, как и я – их. Ловлю на себе пару заинтересованных взглядов, но тут капитан обращается к нам с торжественной речью:

– Приветствую, «Вороны»! Я – ваш новый капитан, Имлерис ди Марко. Знаю, вы были привязаны к своему прошлому сотнику, и соболезнаю вам в связи с его кончиной – но сейчас не время горевать! Тёмные отродья Ирандера шляются по нашим землям, и я сделаю всё, чтобы их стало как можно меньше! Клянусь в этом на мече моего отца!

Он выхватывает свой, украшенный драгоценными камнями клинок из ножен и с гордостью поднимает его вверх. Взгляд серых глаз перемещается с одного лица на другое, и я понимаю, что парень ждёт одобрения! Он ждёт, что его нелепая и сбивчивая речь вызовет в нас прилив воодушевления!

Ялайский пепел! Кажется, я был прав насчёт этого дворянчика! Надеюсь, с фехтованием у него лучше чем с красноречием...

Отряд встречает его слова молчанием. Не дождавшись приветственных выкриков, капитан поджимает губы и кивает на телеги:

– Если кому нужны обновки – я привёз с собой хорошие кольчуги, крепкую одежду, оружие и прочие мелочи для вас. Берите всё, что подойдёт по размеру. Отдохните как следует, познакомьтесь с новобранцами, а завтра к обеду мы выступаем в путь.

– Куда, господин сотник?

Голос подаёт лысый мужчина с татуированной головой и длинной бородой, заплетённой в косу. Зеленоглазый, мускулистый, он напоминает мне медведя, а его голос только дополняет образ – утробный, угрожающий и глубокий, точно рык.

– Перед тем как обращаться ко мне, солдат, не помешало бы представиться. Я всё-таки только что приехал, – высокомерно, говорит Имлерис.

Здоровяк делает шаг вперёд.

– Десятник Блик, господин сотник. Я был третьим заместителем прошлого капитана.

– Ааа, наслышан о тебе, – кивает ди Марко. – Ты тот самый здоровяк, что ссадил Ялайского рыцаря, убившего капитана? Броском молота?

– Так точно, господин сотник.

– Прекрасно, прекрасно... И ты единственный, кто остался от руководящего состава... Что ж, в таком случае – следуй за мной, нужно кое-что обсудить. Все остальные – снаряжайтесь, и до завтрашнего утра можете быть свободны. Сбор здесь же на десятый колокол. Тогда и узнаете наши дальнейшие планы и порученные задания. А пока устройте вновь прибывших. Вольно!

Он вальяжно машет нам рукой, разворачивается и идёт за пресмыкающимся перед ним комендантом и его помощниками. Айрилен следует за ними, а шеренги отряда распада-

ются.

Я подхожу к Хенриру, задумчиво потирающему шрам на своей щеке.

– Господин десятник?

– Чего тебе, Рой?

– Мы только с утра вяленое мясо жевали, весь день в дороге. Поесть бы чего горячего.

– Парень дело говорит! – поддерживает меня подошедший к Хенриру долговязый мужчина со свёрнутым набок носом и порванной много лет назад нижней губой. – Нечего вам с дороги голодными торчать, да ещё и под дождём.

Он протягивает мне руку.

– Коряга.

– Рой, – я жму её, стараясь не улыбаться странному прозвищу. Кто знает, как он отнесётся к такому от новичка?

– Вижу, тебя подлатали? – улыбается мой десятник.

– А то! – щербато ухмыляется мужчина. – Целители тут своё дело знают ничуть не хуже, чем у Гальмсторма! А ты, значит, новеньких привёз?

– Как видишь, – морщится Хенрир, стирая с лысой макушки капли дождя. – Просил хотя бы два с половиной десятка, как наказывал Блик, но всех, кто приезжает на реку Тариэль, почти сразу кидают в мясорубку у Двуречья... Так что только этих доходяг и дали.

Коряга кивает, косится на остальных новеньких.

– И правда, тощие какие! Ну да ладно, пока есть возмож-

ность – надо набивать брюхо! Пошли, парень, – он обращается ко мне, хлопая по плечу. – Покажу тебе, где кухня, заодно познакомлю со своей десяткой. А ты, Хен, хватай остальных и давай за нами. Расскажешь всем, что новенького слышно у штабных крыс.

Глава 4 – Встреча на дороге

В тот вечер, когда мы прибыли в Фархольм, Имлерис сделал Блика своим первым заместителем. Новый капитан приказал лысому здоровяку выбрать ещё пару человек себе в помощники, а заодно велел рассказать нам о задании, которое поручили «Речным воронам».

У меня имелись мысли, в чём оно будет заключаться. Поэтому, когда Блик пришёл в большой трапезный зал, не терпелось проверить своё предположение.

– Ну что, яйцеголовый? – усмехнулся тогда Коряга, сидящий рядом со мной. Я заметил, что он держался свободно со всеми солдатами, и его слова хоть и бывали грубыми, ироничными или шутливыми, не задевали тех, на кого были направлены. – Чего тебе наш новый хлыщ рассказал? Давай делись, все уже заждались, хррашева мать!

– Потихе, Коряга, – нахмурился Блик. – Не ровён час господин Имлерис услышит твои шуточки... Это мы привыкли, а он...

– Ладно-ладно, – легко согласился разведчик. – Поберегу гордость нашего высокого начальства, так и быть.

Хмыкнув, Блик сел на скамью рядом с Хенриром, хлопнул

его по плечу и подвинул к себе кружку с пивом. Солдаты выжидающе уставились на сержанта.

– В-общем и целом, дело такое, – сделав изрядный глоток, произнёс он. – Нас отправляют к Горбам Великана.

– Опять в самое пекло лезть, – проворчал уже немолодой мужчина с длинными, перехваченными на лбу кожаным ремешком, седыми волосами. – Только вернулись из Междуречья! У Сантимского леса сколько наших полегло?! Нам ведь обещали, что будем срок дослуживать здесь, на четвёртых – пятых рубежах!

Народ возбуждённо заголосил. В основном, большинство осуждало озвучившего недовольство мужчину, но были и те, кто поддерживал его.

– Это Скард, – наклонившись ко мне, прошептал Коряга. – Самый старый солдат в отряде. Один из десяти, пожалуй, кто был в «Воронах» с момента их формирования. Не могу винить его за недовольство – старику осталось дослужить полгода, прежде чем его контракт закончится. А его снова отправляют на фронт, хотя обещали обратное.

– Не все с ним согласны. – Заметил я.

– Большинству уже наскучило торчать здесь и ничего не делать, – вздохнул мой собеседник. – Посмотри на них, парень. Молодые, здоровые, сильные. У большинства в этом отряде нет семей, как и у тебя, полагаю. К нам только таких и отправляют, уж несколько лет так повелось. Но у Скарда и ещё парочки стариканов есть дома, жёны, дети и даже вну-

ки. Они пришли не только для того, чтобы защищать Империю, но и потому, что им дали земельные наделы в дальних провинциях, а ещё – хорошо платят. За выслугу лет добавляют едва ли не больше жалованья, чем за каждое звание. Так что и Скард получает куда больше, чем трое новичков вместе взятых.

– Нам такого не говорили в Ветренном лагере.

– Ну ещё бы, – усмехнулся Коряга. – А знаешь почему?

– Почему?

– Потому что там, где идут бои, народ мрёт, как мухи.

Услышав стук кружки о стол, мы замолчали.

– Ну тихо, ТИХО! – Блик успокоил гомонящую толпу. – Я понимаю тебя, Скард. И сам недоволен, когда договорённости нарушают. Но опротестовать приказ делать нельзя – ситуацию на фронте ты сам знаешь. Там нужны люди, а мы – простые солдаты. Наши контракты скреплены кровью и потом, и нам по ним платят. Так что должно делать то, ради чего нас отправили в приграничье.

Длинноволосый Скард только фыркнул и махнул рукой. Блик смерил его недовольным взглядом и продолжил:

– Нас отправляют к Горбам Великана не просто так. Мы должны сопроводить туда магистра Старвинг, которая прибыла с нашим новым капитаном.

Снова гул голосов, а я только улыбнулся про себя – угадал.

На этот раз одобрительных возгласов куда больше. Солдаты довольны, что с ними будет магистр магии Света.

– С такой колдовской поддержкой и у самых Сумрачных гор не страшно! – заявил парень с красивым лицом и каштановыми волосами, сидящий напротив меня. – А что потом? Неужели, её прикрепят к нам? Вот это был бы подарок!

– Нет, – покачал головой Блик. – Насколько я знаю, она останется в Ранхольде, и получит под своё начало собственных людей. А мы узнаем дальнейшие приказы уже на месте. Как сказал наш новый капитан, к моменту, как мы туда доберёмся, в городишке уже соберётся больше двадцати отрядов и два полка. Сам генерал Молох будет там.

Солдаты в третий раз взрываются разноголосицей. Теперь – возбуждённой. Из обрывков фраз и того, что я слышал ранее, можно сделать определённые выводы.

Двадцать отрядов – это около двух тысяч человек. Два полка – ещё три с половиной – четыре тысячи. Да ещё и под предводительством одного из генералов Северного кулака армии... Не нужно быть человеком большого ума, чтобы понять – Империя готовит серьёзный удар.

* * *

Как и сказал Имлерис, в путь мы отправляемся чуть раньше обеда следующего дня. На этот раз телег куда больше – не три, а семь, и ещё полтора десятка солдат едет на одиночных лошадях. Это разведчики. Телеги же, помимо людей, загружены провизией, предметами первой необходимости, походным снаряжением и прочим.

Кажется, что двигаемся мы со скоростью улитки... Это

впечатление складывается частично из-за однообразного серого пейзажа вокруг, частично из-за такой же серой погоды (дождь и не думает прекращаться), грязной дороги, мерного поскрипывания колёсных осей и отсутствия каких-либо занятий.

Армия, ха! Да даже в Ветренном лагере было куда веселее, чем в такой дороге!

Я скучаю. А ещё – злюсь. У меня нет возможности заниматься с Беренгаром, а это нужно делать как можно чаще. Ялайский пепел, насколько проще было, когда я путешествовал в одиночку! Никто не дышал в затылок, не находился рядом круглые сутки, и я по несколько часов мог проводить в книге, совершенствуя свой дар!

Правда, сильный прогресс шёл только в тёмной его части. Со светлой имелись проблемы. Чтобы вернуть баланс и равновесие, мне не хватало опыта и мощи. Для начал следовало научиться одной конкретной вещи, о которой на самой первой лекции по общей теории магии рассказывал профессор Атрай. А именно – параллельному способу получения энергии, когда заклинание насыщается ей в тот же момент, когда формируется.

При всех моих успехах в обучении у Беренгара, этого делать я пока не умею. Сейнорай попытался объяснить, почему мне необходимо обучиться этой практике.

Частью сознания я вроде понимаю, что, владея параллельным способом получения магии, могу переключаться между

тёмным и светлым даром «на лету», и быстро оперировать куда большими объёмами энергии, чем при обычной магической практике.

Но до конца осознать, как всё это связано – не могу.

Впрочем, сейчас всё равно магической практикой не заниматься – рядом постоянно сослуживцы, да и Айрилен недалеко. Ещё заметит ненароком, попробуй потом объяснись с ней...

Но злость связана не только с этим. Отправляясь в армию, я думал, что меня направят на фронт. Думал, что там нужны люди, те, кто готов сражаться с отродьями Ирандера, что меня, как хорошего мечника, отправят на передовую... Но никак не ожидал, что день за днём буду трястись в телеге и ничего не делать...

Мы продолжаем двигаться по разбитому тракту на восток, в сторону холмов, которые какой-то острый на язык картограф назвал Горбами великана. Вдоль них есть несколько имперских поселений и два крупных, по местным меркам, города. Один на севере – Харренхольд, второй, куда мы направляемся – Ранхольд, ближе к центральной части приграничья.

Периодически на тракте нам встречаются другие имперские отряды. Мы обмениваемся с ними новостями, которых почитай что и нет, изредка останавливаемся в немногочисленных поселениях.

Обнесённые частоколами деревушки встречаются неча-

сто, достаточно хорошо укреплены, и в каждой есть небольшой гарнизон. Нам в них рады – всегда приглашают отоспаться в крестьянских домах, которые хозяева специально освобождают, в трактире с удовольствием угощают выпивкой. Эти земли Империя охраняет как следует, даже несмотря на рассказы Айрилен о кейласах, так что на какое-то время моя бдительность оказывается усыплена.

Мы отъезжаем от крепости Фархельм на сто с лишним миль, примерно, прежде чем я осознаю, почему в приграничье стоит всегда быть настороже...

* * *

Пейзаж сменяется. Бесконечная вересковая пустошь превращается в пологие холмы, поросшие густыми лесами. Дорога, всё такая же разбитая, петляет меж деревьев, местами вплотную подступающими к ней. Дождь, ливший вот уже две недели, потихоньку успокаивается.

Мы едем семнадцатый день, и всё происходящее превращается в рутину. Проснуться, переключка, завтрак, дорога, обед в дороге, ужин, привал, сон, проснуться, переключка, завтрак, дорога...

Я тупею от такого времяпровождения, не зная, чем себя занять. И потому не сразу обращаю внимание на вернувшихся разведчиков, что-то возбуждённо пересказывающих Бликку...

– Хенрир, – локтём я толкаю десятника, дремлющего на скамье рядом. – Там что-то происходит.

Из сна мой сержант выныривает мгновенно. Его серые глаза распахиваются, становятся ясными. Десятник смотрит, куда я указываю, прищуривается, чешет порванное ухо и выбирается из повозки.

– Блик! – окликнув первого заместителя капитана, он быстрым шагом подходит к нему.

Головная телега и карета Имлериса, повинувшись жесту лысого здоровяка, останавливаются, тормозя остальной обоз.

– Чё там? – спрашивает Пек, сидящий дальше всех от выхода. Он пытается протиснуться мимо нас, но кто-то пихает парнишку обратно.

– Сиди тихо, мышь!

– В чём дело? – доносится до нас тенор ди Марко.

Капитан с недовольным лицом открывает дверцу кареты и, не решаясь замарать свои начищенные до блеска сапоги, встаёт на ступеньку. Блик подъезжает к нему и что-то негромко отвечает. Имлерис хмурится и кивает.

Заместитель капитана направляется вдоль телег, называя имена. Оказавшись возле нашей, смотрит на меня, высунувшегося наружу, затем переводит взгляд дальше.

– Рой и Журавль, к головной телеге. Надо кое-что проверить. С собой оружие и плащи.

– Оп-па... – цедит Журавль – высокий парень лет двадцати двух с вытянутой шеей, длинным носом и узким подбородком. Он и впрямь напоминает птицу, благодаря которой получил прозвище. – Кажись, разведчики что-то нашли.

– Чего нашли?! – пищит Пек изнутри телеги, но его снова игнорируют.

Свой меч и кинжал я никогда не убираю далеко – даже сплю так, чтобы легко дотянуться до клинков, так что мне и собираться не надо. Просто выпрыгиваю в грязь и иду к головной телеге, как и велел Блик. Там уже собрались десять человек – по два из каждой десятки, четверо разведчиков, сержанты и капитан с Айрилен.

– Ещё раз – что вы там нашли? – напряжённо спрашивает Имлерис.

– Трупы, господин ди Марко. Полный овраг трупов, – хмурится главный разведчик отряда, Натаниэль, которого все называют просто Кот. – Частью голые, частью в армейской одежде. Кто-то из северного кулака, однозначно. Мы осмотрели пару тел – знаки отличия спороты, татуировки какие есть – незнакомы. Но точно из наших, по уцелевшей одежде понятно.

– Ялайский пепел! – выругивается командир и поворачивается к подъехавшему Блику. – Мы должны упокоить души этих несчастных, сержант. Распорядись, чтобы тела немедленно сожгли, дабы они могли скорее соединиться со Святыми предками!

Услышав это, я едва не хватаюсь за голову. Ну что за романтичный идиот?! Он будто наслушался баллад о рыцарях, в которых правды ни на финг! Разве не лучше сначала проверить трупы? Вдруг найдутся какие-то зацепки!

К счастью, такая мысль посещает не меня одного. Айрилен встречается в разговор:

– Я бы не торопилась с погребением, мессир. Это, конечно, дело правильное, но всё ж не забывайте, что мы на войне. И сегодня столкнулись с первым её проявлением. Для начала нужно хорошенько проверить несчастных. Вдруг среди них есть гонцы с бумагами, донесениями... Такие документы иногда скрывают магией, преступники могли их не заметить. Возможно, удастся определить отряды и роты, где они служили, по татуировкам. Это из ряда вон выходящее событие, господин ди Марко. Местные земли обычно спокойны, и просто так наткнуться на братскую могилу... – она качает головой и поворачивается к Коту. – Сколько там мертвецов?

– Около двух с половиной десятков, госпожа.

– Ведите, – командует Айрилен, не дожидаясь согласия Имлериса.

– Следуйте за нами, магистр, – склонив голову, отвечает лысый сержант. Спрыгнув со своего коня, предлагает его женщине, но она отказывается.

– Все идут пешком, – говорит магесса. – Мессир ди Марко, думаю, вам лучше остаться здесь и организовать оборону обоза, на случай, если это ловушка.

Имлерис выглядит слегка напуганным. Шумно сглотнув скопившуюся слюну, он кивает и отходит к своей карете. А мы, следом за разведчиками, ныряем в густые заросли, начинающиеся почти у самой дороги...

Идти приходится четверть колокола, не больше. Вокруг оврага, в котором лежат трупы, расплзается могильное зловоние. Не такое, как от «кукол», но приятного мало. Несколько солдат морщатся, но спазмов ни у кого не возникает, и носа сослуживцы не прикрывают. Привыкли видеть и чують такое...

В отличие от меня... Приходится сцепить зубы и дышать медленно, чтобы удержать в желудке его содержимое.

– Доставайте по одному, будем осматривать, – велит Айрилен.

Выстроившись в цепочку, мы принимаемся вытаскивать из оврага трупы и раскладывать их рядом. Всего насчитываем двадцать четыре мертвеца. Десять из них – в изодранной до состояния лохмотьев солдатской форме и остатках кожаных доспехов. Остальные – раздеты до исподнего. Всех убили оружием, это очевидно по многочисленным ранам на телах. И что самое примечательное – у несчастных забрали не только почти всю одежду и доспехи, но и всё оружие.

Вообще всё, мы не обнаружили даже обломка завалящего кинжала...

– Кровь только в овраге, – хмуро говорит Блик, обсуждая произошедшее с Айрилен и Котом. – Мы осмотрели местность – земля примята, кое-где есть следы волокуш и конских копыт, но они обрываются у опушки на востоке. Мертвецов явно откуда-то притащили, но это случилось дней пять назад. Дождь стёр почти все следы.

– Плохо, – отвечает Айрилен, присев на корточки перед одним из трупов. – Значит, понять, куда ушли убийцы, не получится. Татуировки?

– Джарди говорит, что узнал парочку рисунков. Якобы похожи на метки кавалеристов из «Беличьих хвостов», но он не уверен – местами татуировки сильно повреждены.

– Оружия не нашли?

– Никакого.

– Далековато забрались отродья Ирандера... Безнаказанно убили три десятка имперских воинов, – задумчиво говорит магистр Старвинд. – Но тела не сожгли... И не особо старались спрятать – просто свалили в кучу. Интересно, почему?

– Вполне возможно, не успели, – пожимает плечами Блик. – Ту всё же патрули ездят регулярно. Или не хотели привлекать внимания, ведь до Сарнских бродов отсюда рукой подать. Зарево заметили бы ночью, дым – днём. Чтобы спалить такую гору мертвецов, нужен большой костёр. А так... Если их убили в другом месте...

Гадать было бессмысленно. Ни бумаг, ни донесений, ничего такого у мертвецов, вопреки ожиданиям Айрилен, не нашлось. Скидав несчастных обратно в овраг, мы подкопали его края и засыпали трупы землёй. Выкапывать разные могилы – пустая трата времени. А поджигать тела, даже в овраге – опасно, можно устроить лесной пожар.

Вернувшись к отряду, мы рассказываем о том, что увиде-

ли. Ди Марко явно растерян, солдаты насторожены.

– Нужно продолжать путь, – говорит командиру Айрилен. – Блик прав, до Сарнских бродов – рукой подать. Там есть небольшой гарнизон. Мы расскажем о случившемся, пусть займутся погребением несчастных. Может, узнаем что-нибудь, с чем сойдутся эти трупы.

Мы продолжаем движение, но теперь уже каждый из отряда держится настороженно. У всех под рукой оружие, часть солдат сопровождает медленно плетущиеся по дороге повозки на своих двоих. Как и я, вышагивая у правого борта нашей телеги и настороженно изучая холмы и лесные массивы вдоль дороги.

– Хенрир, – спрашиваю десятника, идущего чуть впереди. – Тебе не кажется, что вокруг слишком тихо?

– Ага, хррашево дерьмо... – сплёвывает десятник. – Ни птиц, ни зверья не слышно и не видно... И в лесу также было.

– Не нравится мне это...

– Не тебе одному, парень. Гляди в оба.

На холмы опускается ночь, дождь снова усиливается, и мы зажигаем фонари и факелы. Разведчики сопровождают нас слева и справа, оставаясь в лесу и наблюдая, чтобы никто не подобрался к отряду с флангов. Двое оставлены позади, ещё двое, взяв лошадей, отправились чуть вперёд.

Поэтому, когда впереди раздаётся отчётливое лошадиное ржание, мы не удивляемся. После тайного пересвиста, когда разведчики приближаются к Блику и обмениваются с ним

несколькими репликами, отряд резко останавливается. Со всех сторон доносится шелест доставаемого из ножен оружия, солдаты на козлах, тихо переругиваясь, взводят арбалеты. Те, кто сидит в телегах, надевают на руки свои рондаши, фонари и факелы тушат...

Главный помощник капитана коротко свистит трижды. Я знаю этот сигнал – те, кому выпал жребий сегодня, должны рассыпаться по окрестностям и затаиться. Третий отряда, примерно двадцать человек, и я в том числе, быстро ныряем в придорожные заросли, равномерно распределяясь вдоль обоза.

Это было то немногое, что мы тренировали во время дороги, так что подобный манёвр у нас занимает считанные мгновения.

Шагах в пятнадцати от остановившегося третьего фургона, мы с Журавлём прячемся в сырой траве за здоровенным поваленным деревом, накрываемся темными плащами и кладём клинки рядом... Длинношей парень, едва слышно ругаясь сквозь зубы, натягивает на короткий лук тетиву.

На дороге остаётся около сорока человек. Через несколько мгновений за пеленой падающей с неба воды снова слышится лошадиное ржание, причём – в немалом количестве. Когда оно приближается, Блик выкрикивает в темноту:

– Стойте, кто бы вы ни были! Именем Императора Айтора!

Звук многих копыт, чавкающих в грязи, замедляется.

Затем шагах в тридцати от наших фургонов загорается несколько фонарей.

– Именем Императора Айтора, назовитесь! – слышится в ответ.

Пару ударов сердца Блик молчит.

– «Речные вороны»! – наконец, гаркает он. – Кто спрашивает?

Ещё пара мгновений тишины.

– Седьмой кавалерийский разъезд Северного кулака! Мы подъедем, не глупите, «вороны»!

Огни приближаются, и в свете факелов я вижу сидящих на лошадях людей. Десять, пятнадцать, двадцать... По звукам понятно, что на самом деле разъезд куда больше, чем мне видно отсюда. А когда Хенрир, оставшийся у нашей телеги, показывает за спиной пять пальцев, становится понятно – всадников примерно пять десятков.

Серьёзная сила...

Возле первой телеги нашего обоза замер Блик и ещё трое всадников. Вокруг, рассредоточившись – ещё шестеро бойцов. Остальные напряжены. Дальше стоит карета Имлериса, и сейчас наш командир, невзирая на грязь, всё же вылез из неё.

Оказалось, ди Марко успел нацепить на себя пластинчатый доспех из отполированного золотистого металла, инкрустированного драгоценными камнями, и теперь сиял в свете фонарей и факелов, как витрина ювелира. Увидев это, я

в очередной раз только мысленно прошу Святых предков, чтобы они придали немного ума этому пижону...

Впрочем, Айрилен, в отличие от своего спутника, оказывается куда умнее. Магесса выскочила из кареты сразу после сигнала Блика, и тоже спряталась в зарослях, чуть дальше нас.

– Немалая у вас сила, господа! – замечает Имлерис, подходя к головной телеге, – А я слышал, что места тут спокойные!

– Так потому и спокойные, мессир, – усмехается здоровяк с квадратной челюстью, украшенной косым шрамом. Он сидит на гнедом жеребце, затянутый в латный доспех, который ему будто маловат. – Что нас столько катается по окрестностям.

– Не сильно-то это помогает! – высокомерно заявляет наш капитан. – Несколько колоколов назад мы нашли в прилеске... или как эта местность называется?... почти три десятка трупов! Кто-то зарезал несчастных и сбросил их в овраг!

Я вижу, как здоровяк переглядывается со своими товарищами. Их больше десятка, и меня что-то смущает во внешнем виде всадников... Что-то, чего я пока понять не могу... Но червяк беспокойства грызёт меня изнутри, и даже не думает останавливаться.

– Держи лук наготове! – шепчу я Журавлю и чуть отползаю.

– Куда?! – шипит он, но сам остаётся на месте.

Я же, извиваясь ящерицей, пробираюсь через густые заросли ближе к голове колонны. Если окажусь там, смогу разглядеть этих людей получше и, возможно, понять, что же меня смущает... Плащ приходится стянуть и бросить, чтобы не стеснял движения и не шуршал в мокрой траве. Я остаюсь в плетёном кожаном доспехе и кольчуге под ним, мигом расцарапываю о колючки кустарника лицо и руки, волосы липнут ко лбу...

Имлерис продолжает беседу с кавалеристами.

– Далеко вы нашли тела? – спрашивают они.

– Нет, не очень, – отвечает вместо капитана Блик, подводя коня ближе к здоровяку. – Давайте карту, покажу.

Кавалерист мешкает, а я в этот момент оказываюсь шагах в двадцати от них, едва не сталкиваясь в высокой траве с Айрилен. Её злой взгляд говорит, что магесса чуть не долбанула по мне заклинанием. Я прижимаю палец к губам и подползаю ближе.

– Какого хрраша ты творишь?! – шипит она, – Нас заметят!

– Не заметят, если не орать! – без особого уважения напряжённо заявляю я. – Странные эти кавалеристы, не видите?

Десяток с небольшим всадников из разъезда проезжают дальше, мимо наших телег, заглядывая в них. Все они в разных доспехах, разной одежде...

– О чём ты?

– Где их разведчики?

– Это разъезд, идиот! – шепчет она. – У них конные дозорные!

– Тогда почему они на нас не наткнулись? На наших разведчиков? – продолжаю настаивать я, чувствуя нарастающее внутри беспокойство. – Разные доспехи и одежда – раз. Не сказали, откуда едут – два.

Приглядевшись, я вдруг осознаю, что на ближайших всадниках цвета совершенно разных отрядов...

– У них цвета разных отрядов, – прищурившись, женщина замечает странность одновременно со мной. Конечно, перебои в поставках армии бывают, но чтобы серьёзный разъезд носил обноски пехотинцев, мостожёгов и инженеров...

– Неужели этого никто из наших не видит?! Они же рядом стоят!

– Не знаю... – хмуро отвечает Айрилен.

– А у вас самих карт нет? Мы местность и так хорошо знаем, – беспечно замечает “глава кавалеристов”, продолжая беседу.

– Разъезд без карты? Первый раз такое вижу, – хмыкает Блик, и в его голосе проскальзывает удивление.

Один из всадников, проезжающих мимо телег, поправляет плащ, и на кожаном доспехе, на боку, у него становится видна огромная рваная дыра.

– Ялайская гниль! Это не кавалеристы! – выдыхаю я. – Не кавалеристы, магистр! На них доспехи убитых!

Айрилен следит за моим взглядом, и её зрачки расширяются. А через мгновение магистр засовывает пальцы в рот и над дорогой разносится длинный протяжный свист.

Она командует атаку!

Глава 5 – Сарнский брод

Ночь мгновенно взрывается звуками боя. Крики людей, звон стали, свист арбалетных болтов, лошадиное ржание, проклятья – всё смешивается в одну ужасную какофонию.

Я вскакиваю на ноги и бросаюсь вперёд, как и большинство «воронов», лежащих в траве. Кавалеристы явно не ожидают, что по обочинам спрятана изрядная часть отряда. Они гикают, свистят, рвутся вперёд, вдоль фургонов, выскакивая из темноты и атакуя наших сослуживцев, но тут же получают удар в спину и фланги!

Вижу, как предводитель бандитов машет огромным полуторником, пытаясь достать Блика, а конь “кавалериста”, встав на дыбы, ударом копыт сбивает Имлериса с ног. Капитан, вскрикнув от боли, летит в грязь и пропахивает участок земли, врезавшись спиной в тележное колесо. Ещё десяток ряженных всадников устремляется вперёд, пытаясь растоптать наших солдат, но те бросаются врассыпную.

Я оказываюсь рядом с врагами за тройку ударов сердца. Перед носом мелькает чьё-то стремя, едва успеваю увернуться от лошадиной груди и в развороте рублю по задним ногам животного. Кобыла издаёт истошное ржание, боком падает в грязь, подминая под себя всадника. Подскочив к нему, я од-

ним ударом вгоняю клинок меж плетёных ремней кожаного доспеха и убиваю мужчину...

– Осторожно! – Хенрир, появившийся рядом, толкает меня плечом и между нами проносится ещё один всадник.

Я чувствую, как его клинок срезает прядь моих волос... Проклятье, никогда теперь не забуду надеть шлем!

С диким криком из темноты выпрыгивает здоровенный детина с алебардой. От первого взмаха я уклоняюсь, на втором сокращаю дистанцию, а третий ловлю ступнёй, прижимая оружие к земле. Оттолкнувшись от лезвия, прыгаю вперёд и одним движением рассекаю нападающему горло. Он хрипит, из раны брызжет кровь, и детина падает лицом в грязь, а я уже разворачиваюсь в поисках нового противника.

Не останавливаться, только не останавливаться! В таком бою главное – постоянное движение!

Крики боли, всполохи факелов, барабанный по тентам телег и доспехам дождь...

Горячка сражения захлёстывает меня. Больше нет размышлений, проблем, тайн. Нет ничего – только я, верный клинок и враги, которые хотят меня убить...

Рядом оказывается человек и я едва не рублю его мечом, но в последний миг замечаю, что это один из десятки Коряги. Через мгновение ему в глаз вонзается арбалетный болт... «Ворон» чьего имени я не знал, падает на дорогу.

Топот за спиной... Разворот, блок. Я кричу, как бешеный, видя забрызганное грязью лицо одного из бандитов. Броса-

юсь вперёд, с лёгкостью уклоняюсь от неловкого тычка коротким мечом, вгоняю свой клинок в трапецию мужчины и резко вытаскиваю его. Из раны тугой струёй бьёт кровь...

Мимо проносится стрела, чиркая мой кожаный наплечник.

Бой кипит вдоль всего обоза. В первые мгновения схватки спрятавшимся у обочин нашим арбалетчикам и лучникам удалось ссадить часть кавалеристов и убить четверть их животных. Теперь сражение кипит у каждой телеги, то и дело из тьмы выныривают новые всадники и исчезают в ней...

БАХ!

Грохот за спиной заставляет меня вжать голову и резко развернуться. Это спасает мне жизнь – я машинально успеваю отбить косой удар меча, контратаковать и на подшаге пронзить кинжалом во второй руке грудь напавшего на меня молодого парня. Он что-то булькает, изо рта у него течёт кровь, ноги подгибаются. Мальчишка, которому едва ли больше шестнадцати-семнадцати лет, падает на дорогу...

БАХ!

Снова грохот, но на этот раз я вижу, в чём дело, и по спине пробегают мурашки...

Мощная ударная волна сметает одну из телег, за которой двое «воронов» сражаются с тремя ссаженными с коней кавалеристами. Пять человек в мгновение ока исчезают в темноте, снесённые обломками повозки...

Во мраке чуть поодаль вспыхивает красная вспышка, а за-

тем по ближайшим людям бьёт алая плеть. Я вижу, как одного моего сослуживца она рассекает вместе с доспехом, а вот второму везёт. Рядом с ним оказывается Айрилен, выставившая мерцающий желтоватым светом щит. Вытянув руки вперёд, магистр Старвинг отражает магический удар.

Ялайская гниль! Здесь чернокнижник!

Сбоку слышится рык, я резко разворачиваюсь и вижу, как бегущего к разбойнику “ворона” сносит с ног чёрная тень. Она очень быстра – если бы не отсвет на ней, я бы и не понял, что там что-то мелькнуло... Раздаётся душераздирающий крик, я снимаю ближайший факел с телеги, швыряю его в темноту и вижу, кого он высвечивает...

Потроша тело несчастного “ворона”, над ним стоит изменённая тёмной магией тварь. Света слишком мало, чтоб её разглядеть, но мне это и не нужно. Стрельнув взглядом туда, где сражается Айрилен, я вижу вспышки заклинаний, которыми она обменивается с малефиком.

Словно почувствовав внимание, создание чернокнижника разворачивается, сверкает огромными алыми глазами и с невероятной скоростью бросается на меня.

Я не успеваю даже подумать о том, что делаю – варианта всего два, либо защищаться, либо умереть... Вытянув руку вперёд, призываю заклинание, и через удар сердца с пальцев срывается поток энергии. Преодолевая разделяющее нас с тварью расстояние, он сжимается, закручивается, вбирает в себя окружающую тьму...

“Эр-дамон-креа” – клинок, поглощённый тьмой. Одно из тех заклинаний, что я выучил после того, как впитал в себя проклятье Керса. По сути своей – заготовка, использующая тьму окружающего пространства и выбирающая в качестве цели ближайшую концентрацию такой же “чёрной” магии. Тёмное оружие против тёмной твари...

Использовать его в реальном бою мне раньше не доводилось. Поэтому увидев, что тёмная мразь умудряется в последний момент уклониться, словно почувствовав мой удар, я разочарованно выругиваюсь. Выставив перед собой меч, пытаюсь отыскать создание чернокнижника.

– Ну же, тварь, где ты?..

Словно отвечая на вопрос, справа от меня снова появляются два огромных мерцающих глаза. Из темноты, на этот раз никуда не торопясь, выходит измазанный чёрной жижей волк, раза в два больше обычного животного. Из его загривка торчат костяные шипы, морда чуть облезла, как у подгнившего трупа, а вокруг тела клубится чёрный дым, хорошо различимый в свете немногочисленных факелов, оставшихся нетронутыми.

– Келаур... – только и произношу я, а затем слышу позади точно такое же рычание...

Восприятие удаётся призвать практически мгновенно. Страх нет – только задача, как учил Беренгар.

Бух...

За прошедший месяц я хорошо развил своё умение. Те-

перь оно работает на расстояние куда большее, чем пара-тройка метров, и к тому же увеличен временной промежуток заклинания. Ненамного, на какие-то доли мгновений, но и это большой шаг вперёд для человека, который ещё полгода назад и мечтать не мог о магии...

Бух...

Зрение мне не требуется. Я вижу, что происходит со всех сторон, даже позади. Волны восприятия расходятся по пространству, рисуя контуры Келауров в тех местах, где они должны вот-вот оказаться, и картинка оказывается прямо у меня в голове...

Тварь спереди через пару ударов сердца вцепится клыками мне в горло. Та, что позади – порвёт бедренную артерию. Они нападут одновременно...

Время будто смазывается – мозг начинает работать быстрее, и я успеваю не только увидеть, что вот-вот произойдёт, но и сообразить, что делать.

– Рой, сзади! – слышится крик, но я совершенно не обращаю на него внимания – просто отстранённо отмечаю, что меня пытались предупредить.

Шаг в сторону, взмах мечом снизу вверх, разворот на пятке и сразу – обратное движение.

С невероятной скоростью, за которую мне позже придётся расплачиваться болью в мышцах, меч описывает дугу. Время снова ускоряется. Слитный удар рассекает горло одного Келаура и опускается на загривок второго, перерубая позвонки

и мышцы! Твари даже взвизгнуть не успевают – падают на землю, дёргаясь в конвульсиях...

– Ялайский пепел! – я ругаюсь сквозь зубы и шиплю от боли, когда чёрная жижа, текущая в телах изменённых волков вместо крови, попадает на наруч и начинает разъедать его!

Это что-то новенькое! Стараясь не задевать мерзкую субстанцию, я сбрасываю элемент доспеха и оборачиваюсь.

В нескольких шагах стоит Коряга. Он словно замер посреди движения – весь напряжён, в одной руке зажат короткий меч, в другой – рондаш. В широко раскрытых глазах разведчика я вижу отсветы факелов и изумление. Он видел, как быстро я двигался, видел, как я прикончил тварей. Хорошо, что мужчина не маг – иначе мог бы понять, что к чему... Интересно, он видел, что произошло раньше?

А где Айрилен? И почему не слышно звуков схватки?

Обернувшись, я понимаю, почему – бой окончен.

Где-то вдали ещё слышится лошадиное ржание, рядом с телегами раздаются стоны раненых, из темноты доносится истошный вой тех, кто вот-вот умрёт... Но звука стали не слышно, яростных криков – тоже. Вдоль телег валяется несколько десятков трупов, и во всполохах факелов я вижу, что большая часть – фальшивые кавалеристы.

У одной из повозок Блик добывает раненого врага своим ужасным молотом. Один из разведчиков выцеливает убегающего разбойника из арбалета и всаживает болт тому в спину. Беглец, раскинув руки, исчезает за кругом света. Пек и

ещё трое новичков из нашей группы добивают пытающихся отползти всадников, прижатых лошадьми...

Впрочем, «вороны» тоже не избежали потерь – тот самый Скард, который был недоволен нашим заданием, лежит у самой обочины с раскрытым черепом... Рядом с ним валяются двое мечников, которые присоединились к отряду одновременно со мной.

Кругом пахнет сыростью, кровью и... Смертью.

– Где магистр? – оглядевшись, спрашиваю я.

– Здесь, – доносится из темноты женский голос, и оттуда выходит Айрилен. С разорванной на плече курткой, разбитой губой, растрёпанными волосами – но в остальном совершенно целая.

– Рад, что вы живы, госпожа, – склоняю голову. – А...

– Малефик мёртв. Что у вас?

– А у нас, госпожа магесса, новобранец одним ударом посёк двух тёмных отродий, – вместо меня отвечает Коряга.

Айрилен подходит ближе, изучает Келауров, а затем пристально смотрит мне в глаза.

– Немногие могут похвастаться такой сноровкой.

– Мне просто повезло, – отвечаю я, костеря язык Коряги всеми бранными словами, какие только знаю.

– Одного везения тебе бы не хватило, – отвечает магистр Старвинг, не отводя глаз, и неожиданно улыбается. – Я рада, что в Империи ещё есть такие самородки. Ты ведь и разные доспехи разглядел на всадниках первый. Из тебя получится

хороший солдат, парень. Как тебя, говоришь, зовут?

– Рой, госпожа...

– Магистр Старвинг! – раздаётся крик от головной телеги, – Магистр Старвинг! Помогите!

– За мной! – резко бросает Айрилен, – И смотрите в оба, тут могла остаться всякая мразь!

Мы подбегаем к голосащему Натаниэлю. Он склонился над закованным в латы Имлерисом, чьё лицо за забралом сплошного шлема, кажется, не выражает никаких признаков жизни.

– А-а-а, хррашево дерьмо! – ругается женщина, стягивая железо с головы капитана. – Кто-нибудь, бегом к карете! Там мой саквояж, принесите, быстро!

– Да, госпожа! – Натаниэль пинком отправляет одного из стоящих рядом солдат выполнять приказ.

– Сами не зевайте! – продолжает командовать магесса, – Где Блик? Организуйте дозор, кто-то из этих типов наверняка успел сбежать. Раненых добить, но проследите, чтобы пара человек осталась жива! Нам нужно расспросить ублюдков, откуда они тут такие смелые взялись, и что делали с малефиком...

* * *

Остаток ночи приходится потратить, чтобы организовать и добраться до поселения.

В стычке с разбойниками мы потеряли семерых людей. Ещё шестеро тяжело ранены, десять получили увечья сред-

ней тяжести, которые с помощью магии можно вылечить дня за четыре, а «простой» медициной – за пару декад. Итого полностью невредимых, включая меня, в отряде остаётся сорок два человека.

Блик, Айрилен, прочие ветераны, и даже я считаем, что удалось легко отделаться. Шутка ли – мы сожгли тридцать семь трупов фальшивых кавалеристов, ещё двух взяли в плен, а значит, сбежать удалось примерно десяти-двенадцати людям.

И всё могло бы повернуться совершенно иначе – с двумя-то чернокнижниками, о которых никто из нас не подозревал, и тремя Келаурами!

Да, чернокнижников оказалось двое. Одного грохнула Айрилен – почти сразу, как только тот показал себя. Об умениях магистра Старвинг не зря ходят легенды, ведь она управлялась с тёмным ещё до того, как тот успел напасть.

Но вот второй оказался опытнее – у него получилось навести на тех "воронов", что были на дороге, морок. Скрыть от взглядов разную одежду и отсутствие нашивок, рассеять внимание с помощью ментальных заклинаний. Это стало ясно лишь после разговора Айрилен с Бликом и Натаниэлем.

Но всё обошлось. Когда малефик отвлёкся на магессу, затаившийся на обочине Журавль всадил в спину твари три стрелы. Хорошо у него получилось, качественно... Парень хоть и трясся после боя как осиновый лист, но показал всем, что тёмного колдуна можно грохнуть простой сталью, если

тот будет невнимателен.

Правда, тут, скорее, сыграла совокупность событий... Айрилен, связавшая чернокнижника боем, двое абалетчиков, выпустившие в него восемь болтов, разрядивших защитный амулет, подобравшийся к колдуну мечник, пожертвовавший собой, чтобы сбить с него щит...

Двух Келауров завалил я, и сразу стал не меньшим героем, чем магистр Старвинг или Журавль. Не то чтобы это было мне нужно, но моя репутация в отряде резко возросла, и теперь никто не называл меня «новеньким» или «парнем» все обращались по имени. Кроме скотины Пека, которого в сражении никто не видел – только во время добивания полумёртвых налётчиков.

Третью тварь, обращённую чернокнижником, на пару зарубили Хенрир и Кот. Судя по останкам, когда-то это была росомаха, или что-то подобное. Магистр Старвинг внимательно изучила кровавое месиво и двух убитых мной волков, что-то записала в своём дорожном блокноте и спалила порождений тьмы заклинаниями.

Капитану Имлерису повезло – он не погиб, получив всего лишь сотрясение мозга и несколько синяков на спине и груди. Его золотистый доспех оказался хорошенько помят, драгоценные камни от удара конских копыт повывлетали и потерялись в дорожной грязи...

* * *

К Сарнским бродам – большой деревушке – мы подъез-

жаем уже ранним утром, когда солнце встаёт за облаками, и дорогу становится видно хорошо.

Поселение стоит на берегу реки, опоясанное невысоким и неровным частоколом, то тут, то там утыканному дозорными башнями. За «крепостной стеной» виднеется купол храма Святых предков.

С башен нас замечают почти сразу. Над холмами разносится звук горна, а когда мы приближаемся на расстояние выстрела, защитники деревни неожиданно выпускают пару десятков стрел! Сразу три застревают в плотном тенте первой телеги, за которой иду я.

– Какого хрраша?! – озлобленно орёт Блик, ловя одну из вестниц смерти щитом. – Ума лишились, что ли?!

Дверь кареты Имлериса открывается и оттуда выходит Айрилен.

– Стойте здесь, – велит она нам. – Я разберусь. Кажется, понимаю, в чём дело.

– Магистр, вам...

– Стойте здесь! – жёстко повторяет она помощнику командира, и светло-зелёные глаза колдуньи мгновенно темнеют. Спорить с ней дальше никто не собирается...

Ничуть не переживая, что её могут убить, она спокойным шагом направляется к запертым воротам.

– Прочь, тварь! – доносится до нас крик, и в магистра летит ещё один залп!

Который застывает в вызванном женщиной воздушном

щите.

– Я Айрилен Старвинг! – громко произносит магесса. – Была тут несколько месяцев назад! Если не признали – позовите магистрата Вика. Или преподобного Хафра. Или владельца вашего занюханного трактира «Конская нога», Толстого Тарса!

Солдаты на стенах, вновь наложившие стрелы на тетивы, мешкают.

– Госпожа Старвинг! – до меня доносится возбуждённый голос. – Это правда вы?!

– Коллем? – отвечает магесса. – Хромой начальник гарнизона?

– Точно так, ваша светлость!

– Я тебе не графиня для таких обращений, – фыркает колдунья. – Что, продемонстрировать, что я не тёмная?

– Если вас не затруднит.

Айрилен отходит к обочине, кладёт руку на хилый саженец какого-то деревца, и то начинает очень быстро увеличиваться в размерах. Кажется, это успокаивает воинов на воротах – друидизм тёмным не доступен, это все знают.

– Со мной отряд «Речных воронов» со своим новым капитаном, – вернувшись на середину дороги, произносит магистр Старвинг, – Я за них ручаюсь. Несколько колоколов назад у нас случилась стычка с теми, кого вы опасаетесь.

– Хвала Святым предкам! – восклицает мужчина. – Эй, парни, отворяйте ворота! Наконец-то мы дождались помо-

щи!

Мы въезжаем в Сарнские броды всё ещё слегка настороженно, хотя мне кажется, что опасаться нечего. Эти люди сами напуганы, и я догадываюсь почему.

За воротами – небольшая грязная площадь, которая тремя улицами расходится в разные стороны. Пятачок свободного места окружают приземистые домики из камня и дерева, обмазанного глиной. Местных жителей не видно – лишь в окнах окрестных жилищ пару раз мелькают напуганные лица, но на улицах – пустота.

Нас встречает небольшой гарнизон. Человек двадцать стоят растянутым полукругом, всё ещё держа в руках оружие и нервно поглядывая на нас. Обернувшись, я вижу на стенах укреплений ещё десяток с небольшим солдат, с луками и арбалетами.

Как только последняя телега и последний всадник заезжают в ворота, четверо крепких удальцов запирают мощные деревянные створки на огромный засов и ставят к нему подпорки. Навстречу Айрилен, прихрамывая, выходит мужчина в длинной кольчуге, латных рукавицах, с простым одноручным мечом и в круглом шлеме с открытым лицом. У него спутанная борода соломенного цвета, кривой нос, впалые карие глаза и уставший взгляд. На вид солдату лет сорок.

– Рады снова приветствовать вас, госпожа Старвинг, – кланяется он магессе. – Как же хорошо, что на нашу просьбу о помощи послали именно вас!

Айрилен переглядывается с Бликом.

– Нас никто не присылал, Коллем, – отвечает она. – Мы едем к Горбам Великана, и у вас оказались по своим причинам.

Выражение лица мужчины меняется с воодушевлённого на расстроенное.

– Храшево дерьмо! – сплёвывает он и спохватывается. – Простите, госпожа! Просто мы... У нас...

– Не будем толковать под дождём и в грязи, – Айрилен успокаивающе кладёт руку на плечо начальника гарнизона. – Идём к магистрату. Я догадываюсь, какая у вас проблема. Как уже говорила, мы столкнулись с ней по дороге. Обсудим происходящее.

– Конечно, госпожа!

– Часть «воронов» останется здесь, на стенах, чтобы усилить вас, – командует женщина. – Блик, распорядись и присоединяйся к нам. Пока ди Марко в беспамятстве, ты за главного. Хенрир!

– Да, госпожа?

– Займитесь ранеными, позже я подойду, чтобы вылечить самых тяжёлых. Ди Марко старайтесь не тревожить, ему просто нужен покой. Коллем, у вас должны быть лекари и гарнизонный маг...

– Они займутся вашими людьми, магистр.

– И ещё одно – у нас с собой парочка пленников, их надо определить куда-то в тёмное место, и пристально охранять.

– Сделаем.

Раздав приказания, Айрилен с Бликом идут следом за командиром гарнизона, а мы принимаемся помогать раненым и устраивать их в лазарете. Затем перекусываем и получаем возможность немного передохнуть после долгой дороги и ночной стычки.

Все устали. Все злы. Почти каждый из нас потерял в сражении с “кавалеристами” товарищей. И все, не будь ночью так темно, с удовольствием бы кинулись за ублюдками и добились всех остальных!

Моя очередь лезть на стены ещё не наступает, когда через колокол с небольшим в казармы, куда всех нас определили, возвращаются Айрилен с Бликом и начальником гарнизона. Компанию им составляет молодой маг с осунувшимся, худым лицом и знаком Практика на потрёпанной кожаной куртке, а также дородный мужчина, кутающийся в подбитый мехом плащ с цепью магистрата на шее.

Все свободные от дозора солдаты устраиваются за составленными по центру столами.

– В общем, дело обстоит так, – начинает Айрилен. – Те «кавалеристы», с которыми мы столкнулись по дороге, орудут тут уже третью декаду. Разумеется, это не солдаты. Откуда они взялись, уважаемый магистрат Вик не знает, но все мы видели, что с конными были два малефика и тёмные твари. Это, несомненно, Ялайские отродья.

– Три декады? – подаёт голос Коряга, перекрывая возму-

щённый ропот наших сослуживцев. – Что ж вы не сообщили о них в Фархельм, или Дирвуд?

– Сообщили, – глухо роняет командир гарнизона, нервно теребя свою густую бороду. – Как только эта шайка объявилась в округе, сразу и сообщили! Вот только не доехали гонцы ни в Фархельм, ни в Дирвуд – помощь оттуда так и не прибыла. Мы уж думали, что каким-то чудом кому-то удалось добраться до крепостей, о наших бедах узнали и вас послали на помощь!

– А почтовые вороны?

– Каждый день и ночь посылали, в течение двух декад подряд, почитай, пока птицы не закончились, – хмуро замечает магистрат. – Да только твари вокруг поселения постоянно дежурили, всех посбивали, наверняка! Иначе кто-нибудь нам на помощь давно бы уже прибыл!

– Это странно, – замечаю я. – Сейчас-то вокруг никого нет, наши разведчики бы обнаружили засады.

Одобрительный гул голосов встречает мои слова.

– Верно, парень, – кивает капитан Коллем. – Да вот только эти твари не дураками оказались. Ваш отряд большой, сильный, с магистром Старвинг. Наверняка они узнали о том, что вы их арьергард разбили, и снялись, чтобы перегруппироваться.

– Арьергард? – уточняет Коряга, теребя порванную губу.

Я прекрасно понимаю его нервозность – если вокруг шляется в два-три раза больше ялайских воинов с малефиками,

это может стать большой проблемой...

– Да, – хмуро кивает магистрат. – Те, кого вы встретили, по рассказу госпожи Айрилен – лишь часть отряда. А на самом деле их больше. За две декады они ограбили два продовольственных обоза, направляющихся дальше на восток, в Геленстар. Следы налёта обнаружил наш разъезд, да почти в полном составе и полёг, нарвавшись на половину ублюдков. Лишь трём парням и удалось сбежать. Капитан Коллем собрал часть гарнизона и выехал «на охоту», но мразей оказалось сильно больше...

– Половина моих людей была убита, – глухо роняет Коллем. Его слова падают, как камни с горного склона. – Ялайские отродья разбили нас в холмах, совершенно неожиданно. Мы не думали, что их так много и... пропустили удар в спину. Пришлось отступать за стены. Противники воодушевились, решили взять поселение штурмом... Мы не подозревали, что там есть чернокнижники! Твари попытались выбить ворота своим колдовством. Но нашим практикам, да хранят их души Святые предки, удалось положить двух из них! Правда...

Он запинается, и голос подаёт осунувшийся маг по имени Тренн, который пришёл вместе с Айрилен и магистратом:

– Из четырёх Практиков, несущих здесь службу, в живых остался только я. После того случая, две декады назад, ублюдки больше не пытались штурмовать поселение и предприняли только пару попыток проникнуть со стороны реки –

но безуспешно. Дозоры патрулируют периметр деревни днём и ночью, на стенах распределены остатки гарнизона... Так что до вчерашней ночи они просто ждали в оцеплении, на безопасном расстоянии.

Некоторое время все молчат. Меня переполняет ярость... Подумать только! Ялайские прихвостни безнаказанно грабят обозы и осаждают поселения в западной части приграничья! И никто – НИКТО – об этом не знает!

На лицах многих солдат написан тот же вопрос, и магистрат объясняет:

– Места тут глухие, сами видели. До ближайших крепостей далеко, тракт между ними делает немалый крюк. Вы сами-то сколько к нам ехали? Вот и до Дирвуда отсюда не меньше... А если учитывать, что обозы едут ещё дальше... Эти отродья могут тут пастись ещё месяц, если никто о них не узнает, и только тогда в Геленстаре вопросы возникнут. А пока кто-то до нас доберётся...

У меня складывается впечатление, что мужчина оправдывается...

– В общем, плохо всё, господа служивые. Вы первые, кто добрался до нас за такое время. Дней пять назад капитан Коллем предпринял попытку снарядить три быстрые группы, которые должны были прорваться тремя разными направлениями и разделиться, чтобы хоть кто-то добрался до крепостей, но... – в глазах магистрата стоят слёзы, а в голосе чувствуется сильная горечь. – Теперь мы точно знаем, что

и они погибли – по описаниям некоторых тел, которых вы нашли в том овраге...

– И что будем делать? – спрашивает Блик, поддерживаемый голосами сослуживцев. – Есть ли смысл сейчас отсиживаться за стенами? Мы убили сорок разбойников и двух малефиков! Даже если это треть их силы, не лучше ли выследить и добить тварей?

– Шанс есть, – поддерживает его Айрилен. – У нас двое пленных и я уверена, что смогу развязать им языки. Они расскажут нам, как отыскать остальной отряд. С двумя-тремя чернокнижниками я справлюсь, даже если они немного сильнее тех, кто напал на нас по дороге. А количество людей, судя по рассказам капитана Коллема, будет сопоставимо, если часть гарнизона поедет с нами. Вышлем разведчиков, чтобы не попасть в ловушку и чтобы ялайские прихвостни не напали на поселение в наше отсутствие. А когда обнаружим логово мразей – атакуем!

– Я не ослышался?!

Все оборачиваются. В дверях казармы, привалившись к косяку, стоит наш капитан! Я удивлённо хмыкаю. А парень-то оказывается, крепкий. Айрилен полагала, что он ещё сутки проваляется без сознания.

Колдунья тоже выглядит слегка удивлённой, но всё же представляет вошедшего.

– Магистрат Вик, Практик Тренн, капитан Коллем – это мессир Имлерис ди Марко, сотник «Речных воронов». Гос-

подин капитан, я полагала, что вы не встанете до завтрашнего утра. Приятно видеть, что ошиблась. Прошу прощения, но пока вы были в беспамятстве, я сочла за лучшее взять командование на себя.

– Хорошо! – слегка покачиваясь, Имлерис подходит к столу и садится на мигом освободившееся место. Он отбрасывает с лица светлые волосы с видом раненого, но не побеждённого рыцаря, хотя выглядит так, будто его телега переехала – потрёпанный, с покрасневшими глазами и ссадинами на бледном лице.

– Мы в Сарнских бродах, я полагаю? – растягивая гласные, спрашивает он.

– Именно.

– И одолели тех кавалеристов?

– Да.

– Скольких потеряли?

– Семерых. Ещё шестеро тяжело ранены, десять поправятся в течение пары-тройки дней.

– Проклятье! – кривится ди Марко и добавляет несколько ругательств, от которых краснеют даже сидящие рядом вояки. – Я только что услышал, что напавшие на нас разбойники держат в страхе несчастных, живущих в этой заднице мира? Да ещё и сотрудничают с малефиками?!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.